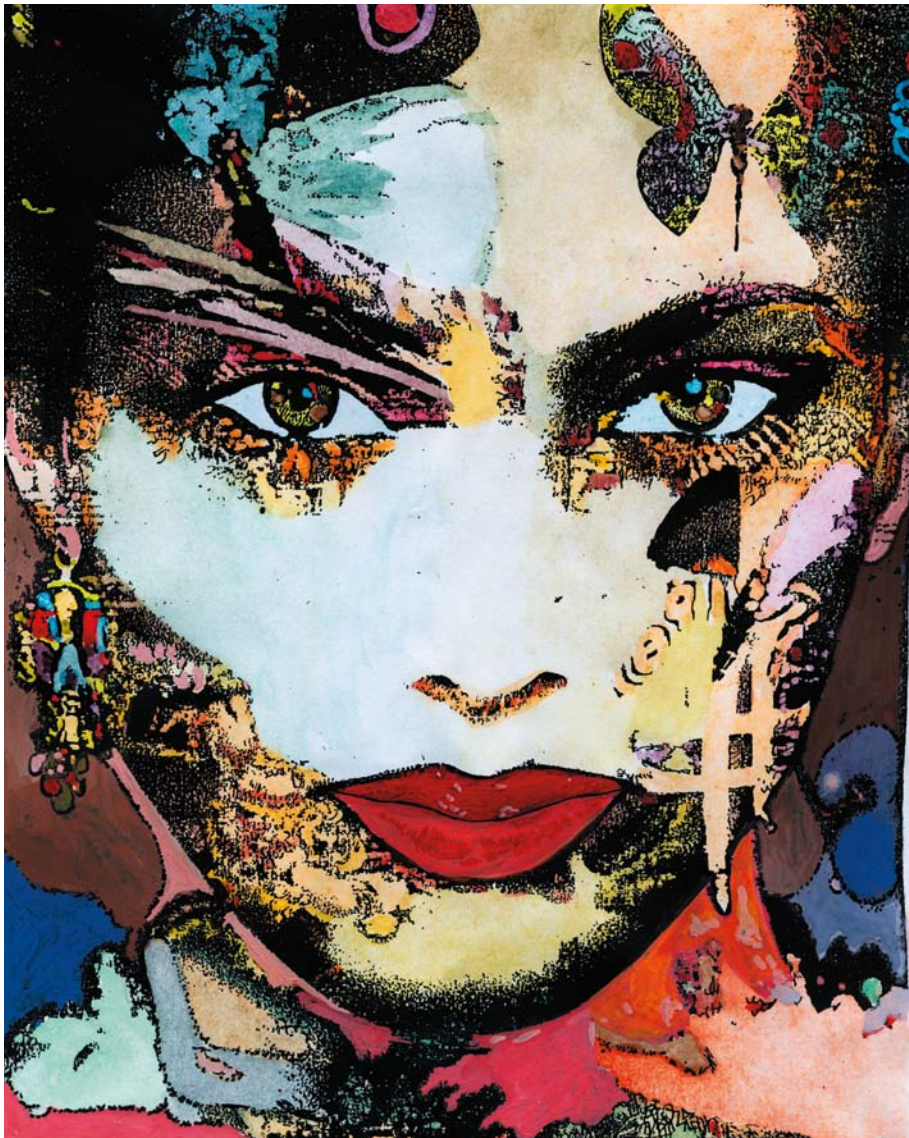

С М Е Н А

№2 ФЕВРАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

2011

© издание эффицировано

Оскар Кокоска, автопортрет, 1917 г. Стр. 32.

	<i>НАМ ПИШУТ</i>	3
	<i>МИНУВШЕЕ</i> Девка Гамильтон Светлана Бестужева-Лада	4
	<i>НАШИ ПУБЛИКАЦИИ</i> Красный шнурок Эллис Бутлер	14
	<i>НЕФОРМАТ</i> Призраки Всемирной паутины Екатерина Волынцева	24
	<i>ТВОРЕЦ И ЖЕНЩИНА</i> Обручённая с ветром Ирина Опимах	32
<i>ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ</i>	Главный режиссёр Советского Союза Евгения Гордиенко	42
	<i>НОВОЕ ИМЯ</i> Смерть голубки Елена Колчак	48
	<i>КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ</i> Вячеслав Сюткин	69
	<i>ДЕТЕКТИВ</i> Королева пиара Анна и Сергей Литвиновы	70
	<i>КРОССВОРД, ЭРУДИТ</i>	108

ОРДЕН
ЗНАК ПОЧЕТА
1965 г.

С М Е Н А

Главный редактор

Михаил Григорьевич Кизиллов

Заместитель главного редактора

Тамара Васильевна Чичина

Выпускающий редактор

Светлана Викторовна Гуркина

Дизайнер

Валерий Иванович Харламов

Корректор

Юлия Борисовна Воронова

Обложка и иллюстрации

Лев Рябинин

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»

Генеральный директор

Дмитрий Юрьевич Мережко

Главный бухгалтер

Любовь Александровна Бижко

Директор по распространению

Мария Александровна Яркина, e-mail: sales@smena-online.ru

Менеджер по партнерским программам

Кристина Александровна Бурякова, e-mail: k.buryakova@smena-online.ru

Офис-менеджер

Людмила Николаевна Калинина

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом журнала
«Смена».

Адрес редакции и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Макет:

Екатерина Балеевская

Отпечатано ОАО ордена Трудового
Красного Знамени

«Чеховский полиграфический
комбинат»:

142300 МО г. Чехов,
ул. Полиграфистов д.1
Тираж – 14 000 экз.
Зак. № 604

Цена свободная
Номер подписан в печать:
17.01.2011

Уважаемая редакция!

Мы увидели ваш анонс в приложении и очень обрадовались, потому что давно хотели поучаствовать в поэтическом конкурсе.

Мы — это клуб «На крыльях поэзии», который организован в 2007 году на базе Самарской областной библиотеки для слепых. В него входят 30 человек слепых, слабовидящих и зрячих.

Стихи участников клуба печатаются в местных изданиях — как городского, так и областного масштаба, в московских изданиях Всероссийского общества слепых. Члены нашего клуба выступают на самарском радио в передаче «Родники» и на «Радио России» в передаче «Шуршалочка». Ещё мы издали сборник своих стихов.

У нас есть своё радио на предприятии для слепых, которое транслируется также на несколько соседних домов. В этих домах в основном проживают незрячие. Они с удовольствием слушают ваше литературное приложение, которое целыми материалами зачитывается вслух по радио.

Все публикации слушателям очень нравятся. Например, очень заинтересовала статья о слепом полицейском в девятом номере. Такие статьи помогают незрячим людям сохранять присутствие духа и хорошее настроение.

Спасибо вам за интересные публикации!

Наталья Коневская,

г. Самара

Здравствуйте, уважаемые сотрудники журнала «Смена»!

Я ученица 11-го класса Мурманшинской средней школы № 1 Мурманской области. Ваш журнал читаю постоянно, от корки до корки. Удивительно, что в наш век, загаженный рекламой и ненужным глянцевым гламуром, сохранилась такая литературно-культурная отдушина, как моя любимая «Смена»! Спасибо вам за вашу работу, то, что вы делаете, очень важно.

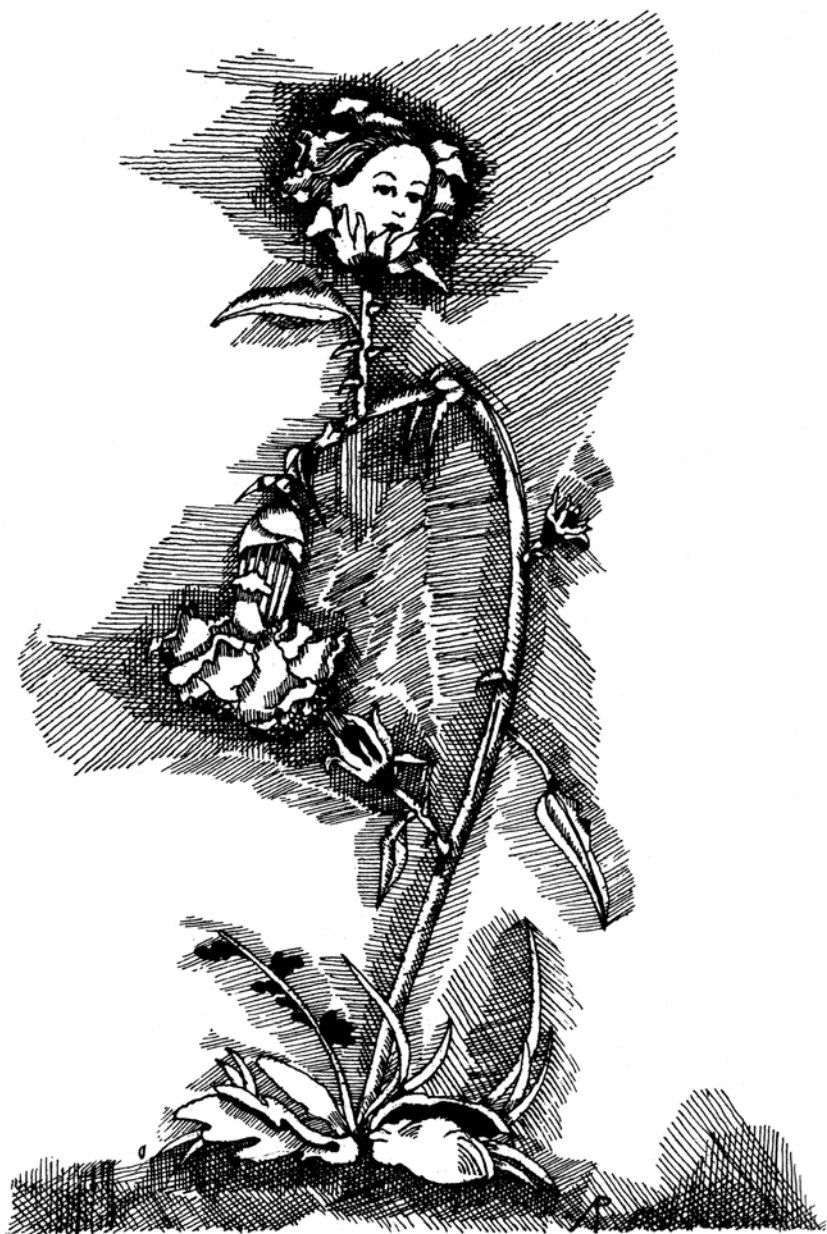
Вы помогаете людям задуматься о жизни, делая нас лучше, чище, добрее.

С наилучшими пожеланиями,

Ксения Бойкова,

г. Мурманши

ДЕВКА ГАМИЛЬТОН

Светлана Бестужева-Лада

В 1783 году княгиня Екатерина Романовна Дашкова, президент Российской академии наук, просматривая счета, обнаружила, что на нужды кунсткамеры, единственного в те времена музея, ежегодно отпускается огромное количество спирта. Выяснилось, что спирт нужен для хранения всевозможных «уродцев», которых обожал и собирал по всему свету Пётр Первый. Но помимо этих «уродцев» в подвале кунсткамеры в особом сундуке под ключом хранились две головы — мужская и женская, обе прекрасно сохранившиеся и обе необыкновенной красоты.

Императрица Екатерина Вторая приказала выяснить, кому принадлежали эти головы. Долго рылись в архивах, наконец, определили, что мужчина — это камергер императрицы Екатерины Первой Виллим Иванович Монс (по скандальным слухам, любовник своей госпожи), которому по приказу Петра Великого отрубили голову.

Несколько недель голова стояла прямо в спальне Екатерины — «в назидание», а потом была передана в Академию, в кунсткамеру. Из-за этой «шалости» сама Екатерина чуть не лишилась головы, а Россия осталась без духовного завещания разгневавшегося на супругу Петра.

Судьба же хозяйки другой головы — женской — оказалась ещё более трагичной. Возможно, поэтому она была окружена всевозможными легендами и преданиями. Некоторые из них дожили и до наших дней.

Считалось, например, что голова эта принадлежала Анне Монс — первой возлюбленной Петра Великого, которую он уличил в измене и едва ли не собственноручно обезглавил в Москве на Лобном месте, а потом целовал отсечённую голову прямо на глазах у изумлённой публики.

Только этот эксцентричный момент и соответствует исторической действительности: Пётр действительно присутствовал при казни и действительно поднял на руки мёртвую голову. И не только поцеловал её, но и повелел всем остальным присутствовавшим восхищаться её красотой, попутно объясняя, какими жилами голова соединяется с телом.

Известно ведь, что Пётр до самой смерти оставался чрезвычайно любознательным человеком — вот и тут не мог устоять перед искушением пополнить свои знания и просветить окружающих. Только была это голова не его возлюбленной, а совсем другой женщины.

Кстати, Анна Монс умерла естественной смертью, пережив двух мужей и собираясь выйти замуж в третий раз. А красавец Виллим Монс был её родным младшим братом: по-видимому, Пётр и приставил его к законной супруге камергером, поддавшись ностальгическим воспоминаниям. Забыл, что верность не входит в число добродетелей Монсов.

Вторую легенду очень любили до революции рассказывать сторожа кунсткамеры.

«При государе Петре I была необыкновенная красавица, которую как увидел государь, так и приказал отрубить ей голову и поставить в спирт на вечные времена, чтобы все могли видеть, какие красавицы родятся на Руси...»

В какой-то степени и это правда, только голову красавице отрубили за совершенно конкретное преступление: дето-

убийство. Преступницу не спасли ни высокое происхождение, ни близость к императорскому двору, ни «смягчающие обстоятельства»: она была незамужней, и рождение ребёнка наложило бы на неё несмываемое клеймо...

Красавицу звали Мария Даниловна Гамильтон, и принадлежала она к знатному шотландскому роду, один из представителей которого перебрался в Россию ещё при Иване Грозном. Мария приходилась внучкой ещё одному знатному русскому боярину — Артамону Сергеевичу Матвееву, воспитателю матери Петра I.

Так что «девка Гамильтон» (а девками в те времена, кстати, называли фрейлин императрицы) по своему рождению могла рассчитывать на самый блестящий брак и беспечную жизнь. Увы, судьба распорядилась иначе.

А начиналось всё совершенно замечательно. В тринадцатилетнем возрасте Мария была взята ко двору, состояла в свите императрицы Екатерины, пользовалась особым расположением Петра I. Первая красавица при дворе, она блистала на ассамблеях, привлекала к себе толпы поклонников и, на своё несчастье, в одного из них влюбилась без памяти. Правда, после того, как царь к ней охладел и на ложе больше не призывал.

Избранником её был Иван Орлов — царский денщик и любимец, красавец, ну, и всё прочее, что полагается в таких случаях. Орлов отвечал Марии полной взаимностью, но жениться не спешил. Во-первых, Пётр не терпел никакой инициативы в сердечных делах у своих любимцев и предпочитал устраивать их личную жизнь по собственному усмотрению. А во-вторых, Мария по своему происхождению была много выше Ивана Орлова, и её родственники наверняка не одобрили бы такой мезальянс. Впрочем, это всё догадки.

Совершенно очевидно одно: когда в начале 1716 года государь и государыня отправились за границу, Мария Гамильтон сопровождала их в качестве фрейлины двора императрицы, а Иван Орлов — как императорский адъютант. Именно тогда их роман получил логическое продолжение: они стали любовниками.

Но Мария Гамильтон поплатилась жизнью, разумеется, не за внебрачную связь — в подобном случае едва ли не весь

российский высший свет нужно было бы отправить на эшафот. Погубило её роковое стечение обстоятельств: у фонтана в Летнем саду дворца был найден труп новорождённого младенца, а Иван Орлов загулял с приятелями, и несколько дней его не могли сыскать.

И то и другое событие одинаково скверно повлияло на настроение Петра, и без того склонного к вспышкам сокрушительного гнева. И когда Орлов наконец явился во дворец, чтобы выполнять свои непосредственные обязанности, он обнаружил, что государь вне себя от ярости.

Единственная вина, которую ощущал за собою Орлов, была его связь с Марьюшкой, «девкою Марьей Гаментовой», камер-фрейлиной её величества. В этом он с перепугу и повинился, не представляя себе, какие трагические последствия для Марьюшки будет иметь его признание.

— Виноват, государь! Люблю Марьюшку!

— Давно ль ты её любишь? — спросил его царь.

— Третий год...

Платонических вздыханий Пётр не понимал и не признавал, к тому же прекрасно знал нравы своего двора. Потому, естественно, задал следующий вопрос:

— Раз любишь, значит, она бывала беременною?

— Бывала, государь.

— Значит, рожала?

— Два раза скидывала, один родила, да мёртвого.

— А видел ли ты младенца мёртвым?

— Нет, — простодушно ответил Орлов, — не видел, а от неё узнал.

Вот тут-то Петру и вспомнился найденный в дворцовом саду мёртвый младенец. Он тотчас же приказал привести к себе Марию Гамильтон. Та сначала всё отрицала, клялась в своей невиновности, но Пётр круто взялся за дело, и вскоре фрейлина созналась, что «она с Иваном Орловым жила блудно и была беременна трижды. И двух ребёнок лекарствами из себя вытравила, а третьего задавила и отбросила».

Орлов был посажен в крепость, а «над фрейлиною, — писал один из современников, — убийцею нераскаянною, государь повелел нарядить уголовный суд». Любовникам не повезло ещё и потому, что их дело раскрылось как раз тогда,

когда Пётр находился в страшном нравственном возбуждении: это были те самые дни, когда шёл суд над царевичем Алексеем Петровичем, кончившийся казнью царевича и его соучастников.

Теряя старшего сына, не будучи уверенным, что младший сын от Екатерины сможет дожить до совершеннолетия и царствовать, и вообще не слишком счастливый в своих делах, Пётр не смог простить Марии Гамильтон такого легкомысленного отношения к «благословению божьему» — ребёнку.

Именно в этом и было всё дело, а не в том, «блудно» или «не блудно» она жила с Иваном Орловым: сам Пётр соизволил обвенчаться с Екатериной, когда она родила ему уже пятерых (!) детей.

Но, с другой стороны, что позволено Юпитеру...

О крайнем раздражении Петра против детоубийцы свидетельствует и тот факт, что он приказал отправить Марию Гамильтон в застенки и подвергнуть пыткам, причём сам на них присутствовал. Ничего нового, впрочем, фрейлина под пытками не сказала, как, однако, не сказала ни слова в обвинение того, кого любила и из-за кого попала в такое положение.

Орлов же, панически боясь и пыток, и казни, писал из крепости, где его держали под стражей, одно письмо за другим, причём чернил в этих посланиях свою любовницу, как только мог. Он так заврался, что, справедливо опасаясь быть уличённым в клевете, начал каяться, ссылаясь на беспамятство:

«Прошу себе милостивого помилования, что я в первом письме написал лишнее: когда мне приказали написать, и я со страху и в беспамятстве своём написал всё лишнее... Клянусь живым Богом, что всего в письме не упомяну, и ежели мне в этом не поверят, чтобы у иных спросить — того не было».

О возлюбленной — ни слова. А её, между тем, приговорили к смертной казни и заковали в железо. Так она провела четыре месяца.

Долгое заточение фрейлины, по-видимому, дало её покровительнице-императрице надежду на то, что Пётр решил

Павел Сведомский.
*«Мария Гамильтон
перед казнью»,
1904 г.*

просто припугнуть несчастную девушку, а ни в коем случае не доводить дело до смертной казни.

К тому же дело Гамильтон, как сейчас сказали бы, всколыхнуло общественное мнение, и самые влиятельные придворные пытались убедить государя ограничиться пострижением виновной в монахини.

Конечно, дело было не в гуманности придворных: в жестоком XVIII веке смертные казни составляли неотъемлемую часть общественной жизни. Отрубание головы считалось ещё милостью, «в моде» были четвертование, колесование и прочие экзотические штучки. Так что сам по себе приговор императорской фрейлине никого особо не взволновал. А вот основание для этого приговора...

XVIII век был сколь жесток, столь же и легкомыслен — десятка полтора придворных красавиц почувствовали топор палача, занесённый над их прелестными шейками. Поэтому,

хлопоча о помиловании Гамильтон, знатные персоны того времени хлопотали прежде всего об отмене прецедента.

Тем более что у многих ещё были живы в памяти другие казни, одобренные Петром: женщин-мужеубийц, например, зарывали в землю живьём по шею и оставляли на милость погоды и диких зверей. Причины преступления никого не волновали: одинаково наказывали и хладнокровную, расчётливую убийцу, и несчастную, обезумевшую от ежедневных побоев и издевательств мужа...

За Марию Гамильтон хлопотали сама императрица Екатерина I, невестка царя, вдовствующая царица Прасковья Фёдоровна и многие другие близкие к государю лица. Первоначально Пётр не говорил ни да ни нет. С одной стороны, он не любил менять единожды принятого решения, даже если принимал его под влиянием момента. С другой стороны, сам-то он тоже пользовался благосклонностью красавицы фрейлины, а о последствиях этой благосклонности ничего не знал. Вдруг и от него Марьюшка понесла да скинула, или того хуже...

Во всяком случае, когда, наконец, потребовалось решить, казнить или миловать, Пётр вышел из положения достаточно своеобразно — переложил ответственность на других. Точнее, на царицу Прасковью Фёдоровну, горячее всех хлопотавшую за детоубийцу.

— Чей закон есть на такое злодеяние? — спросил Пётр свою невестку.

— Вначале божеский, а потом государев, — отвечала царица.

— Что же именно законы сии повелевают? Не то ли, что «проливая кровь человеческую, да прольётся и его»?

Царица вынуждена была согласиться с тем, что за смерть полагается смерть.

— А когда так, порассуди, невестушка, ежели тяжко мне и закон отца или деда моего нарушить, то коль тягче закон божий уничтожить? Но ежели кто из вас имеет смелость, то возьмите на души свои сие дело и решите, как хотите, я спорить не буду, — сказал Пётр.

Смельчаков, однако, не нашлось. Никто не желал ни брать на себя ответственность, ни делать то, на что у самого

государя очевидной охоты не было. Хотя обычно Пётр не боялся нарушать законы, в том числе и законы божии, не говоря уже о тех, которые были установлены его отцом и дедом.

А слабость, проявленная им по отношению к Марьюшке, была едва ли не единственной в его жизни: «царь-плотник» не гнушался и лично голову отрубить, если считал сие за благо.

Казнь состоялась 14 марта 1719 года на Троицкой площади близ Петропавловской крепости. Все, в том числе и приговорённая, были уверены, что в последнюю минуту государь дарует Марии Гамильтон своё помилование. Действительно, Пётр был ласков с юной (ей ещё 19 лет не исполнилось!) женщиной, простился с нею, поцеловал её в лоб и даже, по некоторым свидетельствам, дал ей слово, что к ней не прикоснётся нечистая рука палача. Но в заключение якобы сказал:

— Без нарушения божественных и государственных законов не могу я спасти тебя от смерти... Итак, прими казнь и верь, что бог простит тебя в грехах твоих. Помолись только ему с раскаянием и верой.

Через несколько минут голова грешной красавицы скапала с плахи на помост. Слово своё Пётр сдержал — сам поднял её и показал толпе, хотя обычно это делал палач. Но царь пошёл ещё дальше: поцеловал голову прямо в губы, подчёркивая, что по-прежнему восхищается красотой своей давней любимицы.

Для людей, хорошо знавших Петра, в этом поступке не было, впрочем, ничего из ряда вон выходящего. Закончив же свою маленькую импровизированную лекцию об анатомии, Пётр вторично поцеловал мёртвую голову, затем бросил её на землю, перекрестился и уехал с места казни.

Как известно, Пётр был человеком чрезвычайно практичным. Оставшиеся после казнённой драгоценные вещи он велел конфисковать в казну. А вместе с украшениями и безделушками приказал конфисковать и сохранить самое драгоценное, что было у фрейлины, — её прекрасную голову.

Сей «экспонат» поместили в большую стеклянную банку со спиртом и целых шесть лет — до смерти Петра — хранили в особой комнате при кунсткамере. Так что не слишком-то боялся бога государь-император: вместо христианс-

кого погребения выставил голову своей бывшей любимицы на всеобщее обозрение.

Последний год голова Марии Гамильтон провела в обществе ещё одной головы, также принадлежавшей при жизни любимцу императора и императрицы, безжалостно казнённому по приказу Петра.

До смерти Екатерины I головы находились в кунсткамере, а затем сочли за благо убрать их с глаз долой: всё-таки консервация не входила в ритуал христианского погребения. Потом о них и вовсе забыли. И не вспомнили бы, не обрати шестьдесят лет спустя дотошная президент Академии наук внимания на то, что слишком много денег уходит в кунсткамере на спирт.

Екатерина II, налюбовавшись на головы, приказала всё-таки предать их земле. И останки Марии Гамильтон и Виллима Монса были закопаны там же, в кунсткамере, в подвале. Времена изменились, и былого интереса к «уродцам» и «монстрам», особенно таким, которые по рождению принадлежали к высшей российской знати, в обществе уже не испытывали.

Дело Гамильтон продолжения не имело. Ни одна российская аристократка впоследствии не подвергалась обвинению в блудной жизни или детоубийстве, хотя и супружеских измен, и выкидышей, и преждевременных родов при дворе случалось куда больше, чем в среднем по России. Просто остальных царей (и цариц) это интересовало куда меньше, чем Петра.

О дальнейшей судьбе Ивана Орлова ничего не известно. Мужчина — он, естественно, остался в стороне.

И это, кстати, тоже с веками не меняется... ▣

Эллис Бутлер

Красный шнурок

I

Я не видел Перкинса с полгода, и мне уже становилось скучно. Надоело сидеть в своей конторе и целый день щёлкать ножницами, отхватывая купоны акций. Хотелось горячей деятельности, приключений, и я знал, что если отыщу Перкинса, у меня будет и то и другое. Я горел желанием строить разные планы, пускаться в авантюры, а никто во всей Америке не обладает таким гениальным нюхом на этот счёт, как Перкинс.

И, представьте себе, в эту самую минуту на пороге моего кабинета показался Перкинс!

— Перкинс, — обратился я к нему, как только он положил ноги на мой письменный стол, — я устал. Изнервничался. Я жду тебя уже больше месяца. Хочу придумать что-нибудь такое, на чём можно было бы зашибить денегу.

— Я с тобой заодно, — сказал Перкинс. — Какие планы?

— Никаких, — ответил я печальным голосом. — В этом-то вся беда. Сижу целыми днями, пытаюсь придумать что-нибудь, но ничего у меня не выходит. Думаю, во всём нашем

обширном мире не осталось ни одного плана, которого бы кто-нибудь не обдумал раньше меня.

Перкинс замахал руками и воскликнул:

— Дружище! Их миллионы! Их тысячи вот здесь, в твоей конторе! Ты спотыкаешься о них, сидишь на них, ходишь по ним. Планы? Всякая вещь — план! Нет такой вещи, из которой нельзя извлечь денег!

Я недоумённо пожал плечами.

— Да, может быть, для тебя это так. Но ты ведь гений! Дай ход своей гениальности. Неделя сроку тебе на разработку какого-нибудь основательного коммерческого проекта.

Перкинс энергично сдвинул шляпу на затылок и с грохотом сбросил ноги со стола на пол.

— Зачем откладывать? Время — деньги! Подай мне что-нибудь со своего стола!

Я посмотрел в одно из отделений для бумаг и вытащил оттуда клубок розовой ленты. Перкинс начал рассматривать его с величайшим интересом, потом серьёзно спросил:

— Что это?

— Это, — сказал я, улыбаясь, ибо знал, что что-то необыкновенное уже формировалось в его мозгу, — это клубок розовой ленты, который я купил в магазине «Всё что угодно за десять пенсов». Мне продала его молоденькая барышня в белой кофточке. Я заплатил...

— Довольно! — вскрикнул Перкинс. — Что это такое?

Я с любопытством взглянул на ленточный клубок, стараясь увидеть в нём что-нибудь необыкновенное, но так и не смог: он был для меня простым клубком розовой ленты. Я так и ответил Перкинсу.

— Вот где разница между посредственностью и гением! — важно заметил Перкинс. — Посредственность всегда увидит обычный клубок розовой ленты, а гений — клубок «Красного шнура», — он откинулся на спинку кресла и победоносно посмотрел на меня. Затем, приподнявшись, схватил ножницы со стола и начал отхватывать небольшие куски ленты. — «Красный шнурок»! На какие размышления он тебя наводит?

Я сказал ему, что он наводит на размышления о коробке шоколадных конфет. Я часто видел именно такие ленточки на кондитерских покупках.

Перкинс презрительно усмехнулся.

— Конфеты, шоколад... Нет! Тайна! Кровь! «Красный шнурок»! Убийство! Удушение! Следы! «Красный шнурок»! — он дико размахивал руками, по-видимому, будучи не в состоянии выразить то, что ему хотелось сказать.

— Звучит как название книги, — сказал я.

— Великолепно! — воскликнул Перкинс. — Роман! Роман! Представь себе: «Красный шнурок» напечатано красными сжатыми буквами на белом фоне! — натянув шляпу на глаза, он широко распростёр руки и пробормотал: — Представь себе слова «Красный шнурок», написанные ярко-красными буквами на чёрном фоне и перевитые красным шнурком, извивающимся, как змея. Представь себе эти слова, написанные чёрным по белому, с протянутым через всю вывеску красным шнурком!

— Обложка книги, — мечтательно продолжал Перкинс, — будет белая, безукоризненно, девственно белая, буквы — чёрные, а шнурок — красный! Каждый экземпляр будет продаваться в белом футляре, перевязанном красным шнурком! — он закрыл глаза и закинул голову назад. — Толстая книга с иллюстрациями и необрезанными краями. Глубокие, таинственные иллюстрации! Тени и мрак! Полтора доллара во всех книжных магазинах! — открыв глаза и поправив шляпу на затылке, встал и начал натягивать перчатки.

— Ты куда? — спросил я.

— Заключать договоры с газетами и журналами! Договоры на объявления. Мы должны двинуть «Красный шнурок». Должны широко разрекламировать его! — он вышел и закрыл за собою дверь.

Я думал, что Перкинс уже ушёл, но неожиданно его голова просунулась в дверь:

— Золотой обрез! Первое издание — миллион экземпляров! — с этими словами он окончательно исчез.

II

Спустя неделю Чикаго и почти все города Соединённых Штатов были залеплены плакатами и вывесками: «Красный шнурок». Перкинс знал толк в рекламе, таинственное название возбудило необыкновенный интерес. Это старый приём, но очень практичный. Кроме этих двух слов, на вывесках и на плакатах больше ничего не было, никакого упоминания о том, к чему относится этот «Красный шнурок». Перкинс просто бросал в публику слова,

предоставляя им интриговать читателя, и всякое новое объявление только ещё больше разжигало интерес.

Когда мы заключали договоры с журналами (в каждом популярном журнале мы взяли по целой странице), издатели терялись, к какому разряду отнести наше объявление. Иногда оно появлялось в отделе консервов, иногда в автомобильном отделе, иногда на страницах, отведённых паровым котлам. И только один издатель напечатал его в книжном отделе — должно быть, по ошибке.

Но реклама оставалась рекламой, и Перкинс работал не покладая рук. Он напрягал свой изобретательный ум, изыскивая пути и возможности наибольшего влияния на публику, и был настолько занят внешним видом книги, что совершенно забыл о её содержании.

Однажды Перкинс пришёл ко мне в контору с небольшим прямоугольным плоским свёртком в руках. Развернув свёрток, поставил на стол коробку от сигар — намеченную модель переплёта для «Красного шнура». И тут я напомнил ему, что не мешало бы подумать и о самой книге, а не только о её рекламе и переплёте.

— Перкинс, не думаешь ли ты, что пора уже запастись романом, его словесным содержанием?

Мой вопрос, казалось, огорошил его. По его лицу было видно, что он совершенно забыл о том, что читателю помимо переплёта нужен ещё какой-то материал для чтения. Но он быстро оправился от своего изумления.

— Как же! Всё в своё время. Достать роман — пустяки! Подойдёт любой. Но я ничего не смыслю в литературе и уже целый год не брал ни одной книжки в руки. Ты должен сам достать роман.

— Но я уже лет пять не брал книг в руки! — воскликнул я. — И тоже ничего в них не смыслю. Не представляю, где можно достать роман.

— Надо поместить объявление! — нашёл выход Перкинс. — Через объявление всё можно получить. Предложим премию — тысячу долларов за лучший роман. Думаю, есть тысячи ненапечатанных романов.

Перкинс оказался прав. По его совету я поместил объявление и убедился, что действительно имеются тысячи ненапечатанных романов. Они доставлялись в мою контору корзинами и фургонами. Романы всех сортов: исторические и истерические, юмористические и неврастенические, и в очень большом количестве! Прямо удивительно, как много можно получить готовых романов по одному

газетному объявлению! Я честно прочитал парочку, но я не знаток этого дела. Перкинс предложил простой выход — тянуть жребий, чтобы решить вопрос.

В самом деле, какая разница? Не всё ли равно, о чём говорится в романе? Название «Красный шнурок» подходит к любой книге. Это прекрасное и в то же время ни к чему не обязывающее название может означать преступление, сковывающее двух преступников, или связь между возлюбленными, или кровное родство незаконных брата и сестры, или, наконец, может служить просто хорошей мистификацией.

Ближайшим утром мы получили очередную рукопись, перевязанную красной ленточкой. Сочтя это хорошим признаком, остановили на ней свой выбор. Перкинс заявил, что ленточка служит достаточным оправданием придуманного нами названия книги. Все дела он предоставил вести мне, и я написал автору, приглашая его явиться ко мне в контору. Автором оказалась молодая девушка. Наше свидание носило сдержанный характер. Я не знал, как нужно разговаривать с писательницей. Мне казалось, что мои выражения, вполне пригодные в коммерческих сделках, могут произвести дурное впечатление на литературную персону, и поэтому, чтобы не выдать себя, очень осторожно подбирал слова.

Мисс Роза Белль Винцент нервничала не меньше меня. Она всё время собиралась уходить. Я приписал эту нервозность тому обстоятельству, что ей, по-видимому, редко приходилось иметь дело с издателями, которые платят за рукопись тысячу долларов вперёд.

Она оказалась совсем не такой, как я представлял. Даже без очков. Её можно было принять за машинистку.

Я боялся, что она начнёт «литературный» разговор об Ибсене и Горьком, и тогда я сразу сел бы в калошу, но она, к счастью, не обмолвилась о литературе ни словом. И я также боялся перейти к разговору о гонораре, полагая, что ум такой персоны должен заниматься более благородными вещами, но потом увидел, что тут она оказалась менее скромной, чем в разговоре по поводу её книги.

— Ну, вот, — сказал я, как только она уселась в кресло, — мы решили приобрести у вас ваш роман. Можете ли рекомендовать нам его как вполне приличное и интеллигентное произведение?

— А вы разве не читали? — спросила она, немного удивившись.

— Не-ет, — пробормотал я. — Во всяком случае, пока нет.

Собираюсь прочесть его, как только появится свободное время.

Видите ли, мы очень заняты сейчас, страшно заняты. Но если вы можете поручиться, что ваш роман действительно первоклассный, скажем, на манер «Векфильдского священника», мы немедленно приобретём его.

— Мне нравится ваша энергичность, — улыбнулась мисс Роза. — А чек вы мне сейчас выдадите?

— Подождите одну минуту, не так быстро. Я упустил из виду одно обстоятельство... (При этом на лице её выразилось разочарование.) Мы оставляем за собой право дать роману такое название, какое сами найдём подходящим, а также выпустить его без имени автора, анонимно. Если вы на это не согласны, можете получить свою рукопись обратно.

Её лицо опять просветлело.

— Я согласна, если это единственное ваше условие, — сказала она. — Называйте его как хотите, чем он будет анонимнее, тем лучше для скромного автора.

Когда я выдал ей чек на тысячу долларов, она ещё раз похвалила меня за мою энергичность.

III

Через полчаса после ухода мисс Розы Белль Винцент явился Перкинс, нагруженный свёртками, содержимое которых высыпал прямо на стол: пару подтяжек с никелированными пряжками, галстук, дамский пояс, пару полуботинок, рубашку, ящик сигар, пачку бисквитов и ещё полдюжины других различных предметов. Я задумчиво осматривал их, а Перкинс победоносно смотрел на меня, закинув ногу на ногу.

— Ну, — сказал я, — ты разгромил целое отделение дешёвой распродажи «Десять и двадцать центов за любую вещь»?

— Ты понимаешь, почему Перкинс велик? Почему он не какой-то Перкинс, а Перкинс из Портланда? — он поднял подтяжки и помахал ими. — Видишь? — и провёл пальцем по красной каёмке резины. Потом взял галстук и показал на красную нитку в середине рисунка. — Видишь? — постукал по красным подмёткам полуботинок. — Видишь? — и так перебрал всю коллекцию, восклицая при этом «Видишь? Какой гений! Какой дар предвиденья у Перкинса!»

Вот подтяжки «Красный шнурок». Вот ботинки «Красный шнурок». Вот галстук «Красный шнурок». Печенье «Красный шну-

рок». Перкинс и компания издаёт замечательную книгу «Красный шнурок». В первую неделю пять миллионов экземпляров расходятся без остатка. Роман переделывают в пьесу. Она выдерживает триста спектаклей. Все говорят о «Красном шнурке». Вся страна без ума от «Красного шнурка». Итог? Идёт всё, что связано с названием «Красный шнурок». Бешеный спрос. Кто получает прибыль? Перкинс и компания? Нет! Мы платим за объявления, а другие умники продают сигары «Красный шнурок».

— Жулики! — не удержался я.

— Как предупредить такое мошенничество? Есть только один способ: изобретение Перкинса. Зарегистрировать название «Красный шнурок» в качестве марки для самых разнообразных предметов. Продавать в розницу право пользования этой маркой. Десять процентов со всего, что выпускается под маркой «Красный шнурок».

— Перкинс! — воскликнул я. — Преклоняюсь перед твоим умом! Ты гений! Уже готовы договоры на всё это?

— Разумеется! Таков метод Перкинса. Кто организовал «Красный шнурок»? Перкинс. Кто заботится о прибыли предприятия? Перкинс. Перкинс всегда начеку. Всё, что попадает в поле его зрения, приносит доход.

Он заключил новые договоры с журналами на обменные объявления. Мы гарантировали пятиmillionный тираж. Мы связались со всеми фабрикантами, выпускающими товар под маркой «Красный шнурок», и выпустили купоны: собравший сто купонов получал бесплатно роман «Красный шнурок». За подтяжки «Красный шнурок» выдавали пять купонов, за каждую сигару «Красный шнурок» — по одному, и так далее.

Первого октября мы объявили в печати, что «Красный шнурок» — книга! Величайшее произведение нашего столетия! Захватывающий любовный роман! Мисс Винцент сообщила мне мимоходом, что в романе идёт речь о любви. Но чтобы быть уверенным в достоинствах романа, я послал рукопись профессору Виггинсу, в высшей степени учёному человеку. Он знает восемнадцать языков, по-египетски читает так же легко, как мы с вами по-английски. Он специалист по изучению развалин Египта и имеет несколько трудов на эту тему.

Профессор заявил, что роман очень легковесный и пустой, но со стороны грамматики довольно благополучен. Он сказал,

что никогда не читает романов за неимением времени, но, по его мнению, «Красный шнурок» — именно тот сорт чтения, за которым всегда гоняется широкая публика, совершенно не удостоившая вниманием его книгу «О некоторых династических характерных чертах гиксов». В общем, я остался вполне доволен отзывом профессора.

Для иллюстрирования романа мы пригласили одного молодого студента из Художественного института. Это было 15 октября, а выход книги был объявлен на первое ноября; рукопись уже находилась в печати, и молодой художник обещал работать день и ночь над иллюстрациями.

На следующее утро, как только я явился в контору, ко мне в кабинет вошёл мой художник. По-видимому, он хотел что-то сказать, но не решался.

— Я живу с одной девицей, — несмело начал художник, и я никак не мог понять, при чём тут его девица. Но он продолжал: — Она хорошая девушка, довольно красивая, хотя по отношению к некоторым вещам у неё дурной вкус. Она носит крикливые шляпки и любит читать бульварные романы. Поэтому вчера я дал ей почитать «Красный шнурок» в корректурных гранках.

Я кивнул головой.

— Ну и как, понравился ей роман?

— Конечно! — сказал он, но совсем без того энтузиазма, какого я ожидал. — Это её любимый роман... Не знаю, какие у вас планы, думаю, что вы сами знаете, что делаете, но я всё-таки, прежде чем приступить к иллюстрированию книги, решил спросить вас: может быть, вы дали мне не те гранки?

— Нет, это именно гранки нашего романа, — ответил я. — А в чём дело? Что-нибудь не так?

Молодой человек нервно засмеялся.

— О, нет! Но вы-то сами читали роман?

Я сказал, что не читал, так как был очень занят рекламированием книги.

— Ну, так вот, — продолжал молодой человек. — Моя девица читает разную рвань и все дешёвые романы знает наизусть. Приходилось вам читать «Тайну леди Эдли»?

— Понимаю, — сказал я. — Наш роман — продолжение того?

— Нет, — ответил художник. — Это есть именно то. Кто-то надул вас и продал вам перепечатанный на машинке экземпляр «Тайны леди Эдли».

IV

Когда я сказал об этом Перкинсу, он заметил, что каждое издательство должно иметь человека, знающего толк в книгах, хотя, конечно, самое главное — это реклама. Он добавил, однако, что мы могли бы издать «Тайну леди Эдли» под названием «Красный шнурок», так как подобные вещи случались неоднократно и раньше. Но лучше всё-таки записать тысячу долларов, уплаченных Розе Белль Винцент, в счёт убытков и поискать другой роман — что-нибудь более положительное и не такое затасканное.

Перкинс посоветовал мне телеграфно передать объявление в газету штата Индиана, и спустя два дня мы получили девяносто восемь исторических романов, принадлежавших авторам штата. Несколько из них оказались подходящими по размеру. Мы выбрали один и дали нашему художнику, чтобы он передал своей возлюбленной. Она уверила нас, что никогда раньше не читала этого романа.

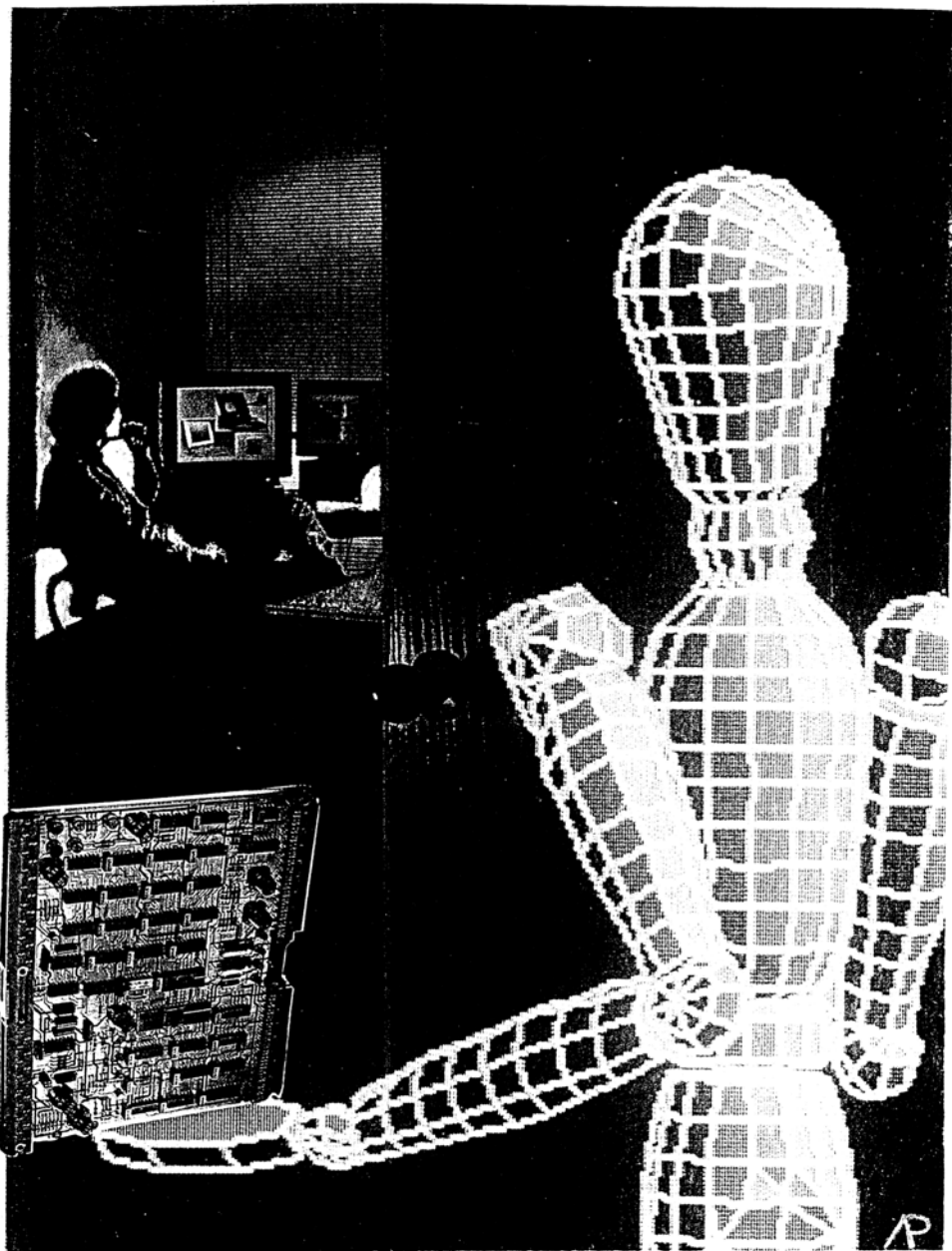
Мы послали своего сыщика в Дильвилль, штат Индиана, где живёт автор, и получили о нём самый блестящий отзыв. Автор — молодой человек, только что окончивший гимназию, трезвый, трудолюбивый и в высшей степени честный. Он никогда не был в штате Виргиния, где развёртывается действие его романа, и никогда не посещал библиотеки, так как в Дильвиле нет таковой, но, по словам сыщика, он вполне подходящий молодой человек, чтобы писать исторические романы.

«Красный шнурок» имел необыкновенный успех. Мы продали наше первое издание в пять миллионов экземпляров в три месяца, выпустили второе издание в два миллиона экземпляров, а также специально иллюстрированное «воскресное» издание и дешёвое «народное» издание. Но рынок всё ещё не насыщен, и «Красный шнурок» продолжает расходиться в огромном количестве.

Прибыль, вырученную от продажи, мы решили употребить... Словом, Перкинс купил себе имение в Лэйквуде, а я — особняк в Нью-Порте. ▣

«Блохи — всё же блохи», 1928 г.

Публикация Рафаэля Соколовского

R

ПРИЗРАКИ ВСЕМИРНОЙ ПАУТИНЫ

Екатерина Волынцова

...В

ы видели когда-нибудь человека в сильной панике на пустом, казалось бы, месте? Я — видела, совсем недавно, когда моя подруга, буквально икая от страха, открывала для меня свою электронную почту.

— Вот, смотри. Этот почтовый ящик я завела пять лет назад, специально, чтобы общаться с одним своим знакомым. У нас была очень личная переписка, и мы оба не хотели, чтобы об этом знали посторонние люди, поэтому ни он, ни я нигде не «светили» эти ящики. Во всяком случае, я. Кроме моего друга, о существовании этой моей почты не знал никто! И он не мог никому сказать, гарантирую!

Смотрю на список «входящие» — два новых письма. Спрашиваю:

— Ну, и что тебя беспокоит? Никакого спама нет, на взлом ящика тоже не похоже.

— Ты «входящие» посмотри!

Во «входящих» ничего особенного: «Привет, как жизнь молодая? Что нового?» — и всё в таком роде. Отправитель — какой-то Алексей.

Подруга стонет, держась за голову:

— Ну да, вроде всё нормально! Только он умер два месяца назад! Понимаешь? Умер! Я на похоронах была! А письма свежие, вот одно даже прислано сегодня. И написаны они его языком и в его стиле. Тот, кто пишет, даже употребляет его любимые выражения!..

Кто в реальности является автором писем, мы так и не узнали — у девушки сдали нервы, и она удалила почту.

Что такое загробный мир? На подобный опрос я как-то наткнулась, гуляя по Сети. Ответы были разные: «Это рай и ад!», «Это пустота», «Единое информационное поле», «Возможность увидеть бога» и так далее. А один молодой человек ответил так: «Загробный мир — тот же Интернет. Там у тебя нет никакого тела, только учётная запись и IP-адрес. И ты можешь там стать кем угодно, потому что тебя никто не видит. В загробном мире есть свои сетевые администраторы, свои сообщества, журналы, блоги, сайты, есть даже свои хакеры и «тролли». Я думаю, что наш реальный Интернет создан людьми, которые точно знают, что будет после смерти, и готовят нас к этому заранее».

Ещё одно мнение (с другого ресурса): «Если допустить, что после смерти от человека остаётся «пустая» электронная оболочка (а такая гипотеза существует), и допустить, что эта оболочка может самостоятельно встроиться в какое-либо электронное пространство, как в родную среду, то нет ничего удивительного в том, что в Интернете живут «души» умерших, которым хочется общения с живыми».

Вопрос, конечно, очень спорный, и неизвестно, будут ли когда-нибудь подтверждены или опровергнуты подобные мнения. Но факт остаётся фактом: многие пользователи Всемирной паутины сталкиваются с необъяснимыми явлениями, которые трудно объяснить иначе, как присутствием в Сети неких следов умерших людей.

«Ну, как вам мои похороны?»

...На сайте LiveJournal.com есть сообщество, которое так и называется — «журналы мёртвых блогеров», туда разные пользователи помещают ссылки и краткие описания дневников своих знакомых, которые долгое время вели записи, а потом прекратили по при-

чине своей смерти. Надо сказать, ресурс достаточно мрачный и печальный, но и там встречаются исключения.

Молодая девушка погибла в аварии. Последняя запись в её журнале сделана мамой: «Таня (имя изменено) вчера в 21:30 разбилась на машине там-то. Смерть наступила мгновенно. Тело Тани находится в такой-то больнице. Похороны состоятся там-то и тогда-то. Пожалуйста, приходите, попрощайтесь с Танюшей». Друзья и знакомые, конечно, пришли — то есть имеется как минимум полсотни свидетелей того, что девушка действительно умерла. Но тем не менее примерно через год журнал ожил и начал вестись снова. Записи по стилю изложения ничем не отличались от тех, что предшествовали смерти хозяйки журнала, более того, их автор отлично знал не только биографию Тани, но и отвечал на комментарии именно так, как ответила бы она сама, знал её любимые шутки и обороты речи, узнавал друзей, с которыми состоял в личной переписке, правильно отвечал даже на самые провокационные вопросы... По коллективной жалобе в конфликтную комиссию LiveJournal пугающий журнал был уничтожен — а может быть, зря?..

Другой случай — тоже девушка. Скончалась от лейкоза в 2007 году, жила одна, пароль журнала никому не сообщала. О смерти бедняжки друзья узнали из сообщения её лучшей подруги. Как и в предыдущем примере, многие были на похоронах, собирали деньги на памятник, навещали могилу и даже посвятили девушке музыкальный клип на youtube.com.

В январе 2009 года её журнал «ожил». В нём появилось около десятка записей, написанных не только полностью в стиле (весьма своеобразном) этой девушки, но и с упоминанием деталей, которых, кроме неё, не мог знать никто. Друзья не на шутку перепугались и довольно долго пытались вычислить гипотетического взломщика журнала, поскольку других объяснений у них не было. Но попытки успехом не увенчались: поняв, что ему не верят, автор записей оставил последнее сообщение: «Как жаль!» — и сам удалил журнал.

Бывает и так, что о смерти хозяина дневника месяцами никто не догадывается. Человек вроде бы ведёт записи, отвечает на комментарии, переписывается по почте, но от личной встречи, даже с хорошими знакомыми, упорно отказывается. И то, что его давно нет в живых, выясняется случайно.

За последние пять лет таких историй было несколько. До сих пор не утихают споры о том, что это: чья-то умелая мистификация (ведь не самостоятельно же появляется текст на экране, кто-то нажимает на клавиши, и сетевые Шерлоки Холмсы даже составили список подозреваемых из числа других блогеров), проделки «ботов» (специальных программ, генерирующих текст) или действительно что-то, науке пока не известное.

«Кто говорит? — Это я!»

...Маша похоронила умершего от инфаркта отца в июне, как раз перед началом жарких дней в Москве. Отец был в разводе с матерью, жил один, с дочкой виделся редко, и общались они в основном по интернет-пейджеру ICQ, болтали перед сном о всяких пустяках.

Вот и в тот вечер, через неделю после похорон, измученная духотой Мария вернулась с работы, приняла душ, включила вентилятор и плюхнулась за компьютер. Первое же, что она увидела, открыв окно аськи, был зелёный значок напротив имени отца (это означает, что пользователь находится в Сети).

Почти не задумываясь, что делает, Маша написала: «Привет, как дела?», на что собеседник моментально откликнулся дежурной отцовской фразой: «Как сажа бела, — и как ни в чём не бывало продолжил: — Жарища какая! То ли ещё будет. Как ты? Устала?».

Как рассказала девушка, первой её реакцией было бешенство: «Ах ты, гад, взломал аську моего отца, ты...», на что ей ответили: «Да никто ничего не ломал. Ты лучше, если не трудно, зайди завтра ко мне, открой левый ящик серванта и возьми оттуда конверт, там деньги и второй экземпляр завещания на квартиру». Маша замерла: о таких вещах не мог знать никакой взломщик.

Нужно ли говорить, что конверт оказался именно в том месте, которое указал загадочный собеседник в аське?

Похожая история случилась и в одном из старых, очень известных чатов, где собирались любители компьютерных игр: с некоторых пор в общем разговоре стали проскальзывать реплики человека, утверждавшего, что на дворе весна 2003 года, и упорно отказывавшегося верить другим участникам, которые его переубеждали. Коллективный вердикт «разводка!» опроверг администратор ресурса. По его словам, странный парень,

отставший на 7 лет от реальности, выходил в сеть с IP-адреса, не существующего примерно с 2004 года — во всяком случае, именно этот адрес отображался у него при входе. К сожалению, молодой человек — то ли очень умелый мистификатор с навыками хакера, то ли действительно давно умерший — в чате больше не появился, и поймать его с поличным не удалось.

Наверняка таких случаев гораздо больше, чем кажется. Но люди не слишком любят рассказывать, что видели в Сети нечто странное: либо самих обвинят в мистификации, либо покрутят пальцем у виска. Да и странность уловить не всегда возможно, поскольку не все подозрительные собеседники вот так себя раскрывают. А информация в чатах и интернет-пейджерах не «висит» неподвижно, страница всё время обновляется, и зачастую отыскать насторожившее тебя сообщение через полчаса уже невозможно.

«Письмо из ниоткуда»

Один из таких случаев как раз описывается в начале статьи, и этот случай далеко не единственный. Можно сказать, что именно непонятные письма неизвестно от кого, полностью имитирующие манеру умершего человека, составляют большую часть рассказов о странностях Всемирной паутины. Личная почта — обычно территория, закрытая от посторонних, о существовании ящика может не знать никто, кроме владельца и его собеседника, и тем не менее как раз на такие ящики чаще всего приходят письма «с того света».

Из рассказа девушки, опубликованного в её дневнике (приводится с разрешения автора, с изменёнными именами и деталями):

«Я была уверена, что он просто перестал со мной общаться. В июле пришло последнее письмо, а на следующий день он должен был позвонить, чтобы договориться насчёт выходных. Целый день ждала звонка, потом позвонила сама — номер недоступен. Он и раньше вот так уходил со связи, потом возвращался, я привыкла, поэтому неделю даже не пыталась писать и звонить.

И вдруг в середине сентября приходит письмо: «Привет, Наташ! Извини, я уезжал ненадолго. Позвоню тебе, как смогу. Как дела? Макс». Я написала ответ, а он вдруг почему-то вспом-

нил об одном случае, произошедшем год назад, когда мы на даче ночью вора ловили. Кроме него, об этом никто не знал, по почте не обсуждали, в общем, это была наша тайна. У меня ничего не вызвало подозрений! Макс припоминал именно те детали, которые помнила и я, помнил даже самую атмосферу той ночи.

В общем, мы славно поболтали, своего рода вечер ностальгии получился.

А сегодня я узнала, что Макс в июле погиб».

Обычно все рассказы о «письмах из ниоткуда» однотипны, и каждый рассказчик голову даёт на отсечение, что взлом почты исключается. Верить в это или нет? Трудно сказать.

«Живее всех живых!»

Но не стоит думать, что любые явления в Интернете, которые можно назвать призраками, это именно «души» умерших пользователей. Да-да, случается и так, что человек жив и здоров, просто по какой-то причине забросил свой дневник, сайт или перестал общаться по почте. А ресурс продолжает жить, и порой весьма активно!

Рассказывает Игорь:

«Я в тот свой дневник не заходил года четыре. Когда-то давно потерял пароль, пару дней пытался подобрать наугад, потом плюнул и завёл новую страничку. И вот недавно сижу за компьютером, делать нечего, стал рыться в старых папках и вдруг нашёл пароль от того, первого дневника. Дай, думаю, тряхну стариной. Зашёл на сайт, ввёл логин, пароль — всё подошло. Открываю записи и не верю своим глазам: самая свежая датирована вчерашним числом! Когда стал читать, возникло явное ощущение дежа вю, настолько это было похоже на меня!

Причём записей в дневнике много, чуть ли не каждый день что-то новое, появились какие-то незнакомые люди в друзьях, они комментируют... Стал со знакомыми советоваться, они говорят — взлом, посмотри в настройках, с какого адреса и когда вводили пароль. Посмотрел. Лучше бы я этого не делал! Потому что пароль последний раз вводили 4 года назад с моего адреса!

...Что сейчас? Ничего, удалять не стал, а читать боюсь, если честно».

Информации об этих явлениях в самом Интернете почти нет, разве что нет-нет да и проскочит изумлённый возглас на страницах какого-нибудь форума, но другие посетители отделаются шутками и посоветуют автору не смешивать водку с пивом, и человек соглашается: «Да, наверное, мне показалось».

Люди привыкли, что Интернет, особенно русскоязычный, под завязку забит разного рода электронным мусором, в потоке которого нелегко различить что-то действительно необычное. И потом, обилие виртуалов (людей, выдающих себя за кого-то другого), троллей (тех, кто ради привлечения внимания засоряет Сеть бессмысленными или оскорбительными сообщениями), клонов (которых у одного человека может быть десяток), ботов (которые вообще являются творением программистов), вирусов и программ-шпионов — всё это сделало пользователей весьма подозрительными. Прибавьте сюда обычную человеческую невнимательность к деталям, и вот результат.

Мой знакомый, по профессии системный администратор, говорит об этом так:

«Люди — противоречивые существа. Многие искренне верят в бога и при этом отказываются даже допустить, что Интернет — очень сложная, кстати, структура — теоретически может жить какой-то своей жизнью и хранить в себе следы умерших пользователей. Не души, конечно! Но своего рода образы их личностей, и эти образы, опять же теоретически, могут как-то проявлять себя, а то и действительно общаться.

Тебя не удивляет, например, программа, которая приходит к тебе в дневник, читает твои сообщения и оставляет вполне осмысленный с виду комментарий? У неё нет рук, ног, глаз и мозга, но ты не всегда можешь это сразу понять. Пройдёт пара лет, и отличить в Сети бота от живого человека станет невозможно. Ну вот, все эти «души» — тоже программы, только другие. Возможно, самообучающиеся. Время покажет».

...Я не страдаю паранойей и не слишком верю в призраков, но после всех этих историй ловлю иногда себя на том, что внимательно вглядываюсь в слова собеседника на экране... ▣

ОБРУЧЁННАЯ С ВЕТРОМ...

Ирина Опимах

Это история страстной любви, породившей серию шедевров, навсегда ставших памятником потрясающей женщине — Альме Малер...

В начале XX века в столице Австрии все знали Альму Малер. Дочь рано умершего талантливого художника Эмиля Якоба Шиндлера и певицы Анны фон Берген с юных лет попала в водоворот венской богемы. Умная, талантливая, тонко чувствующая музыку, самая обворожительная женщина Вены, она легко возбуждала страсть в мужских сердцах. Среди её поклонников был даже Климт. «Он стал моей первой большой любовью, но я тогда была ещё ребёнком, полностью погружённым в музыку и мало знающим о реальной жизни. Я просто не понимала, чего от меня хотят...» — писала Альма в своих воспоминаниях.

Климта сменил директор Венского Бург-театра Макс Буркхардт, открывший для неё Вагнера и Ницше, затем жертвой её чар стали композитор Александр Цемлински, научивший Альму сочинять музыку (несколько её песен на стихи Гейне, Рильке и Гофмансталя до сих пор звучат в концер-

Оскар Кокоска, «Буря, или Невеста ветра», 1914 г.

тах), и, наконец, великий Густав Малер, за которого она вышла замуж в марте 1902 года. Ей было 22 года, а ему — 43. Близкий друг Малера с болью писал: «Трудно представить более разных людей — она молода и привыкла к светской жизни, а он неразговорчив и любит одиночество». Их супружескую жизнь действительно нельзя было назвать счастливой — Малер много работал, а Альма ужасно скучала и, как могла, пыталась развлечься. В этом ей помог немецкий архитектор Вальтер Гропиус — в будущем он стал одним из вождей знаменитого движения «Баухаус», во многом определившего развитие европейской архитектуры. У этой женщины было поразительное чутьё на таланты — её избранниками всегда были люди незаурядные, яркие, творческие. А уж что они находили в ней: темперамент, свободу мысли и чувств, ум, понимание, шарм, сексуальность, — было известно лишь им одним...

В мае 1911 года Густав Малер умер, когда Альме было всего 32 года. У неё остались деньги, дочь и... её красота. Альма

по-прежнему была хороша, и по-прежнему мужчины не давали ей скучать — уже летом у неё закрутился роман с композитором Шрекером, затем — с биологом Каммерером, а потом на её небосклоне появился врач Френкель, лечивший Малера. Френкель, уверенный, что он неизлечимо болен, умолял Альму согреть своим телом и душой его последние дни. Не забывал о ней и Гропиус.

Правда, сама Альма так писала в своих воспоминаниях об этом периоде: «После смерти Малера я долгое время испытывала духовные и душевные мучения. Я не могла свыкнуться с мыслью, что покинута им. Мне казалось, я утратила связь с миром».

Поначалу она поселилась у родителей, а потом перебралась в просторную квартиру в центре Вены. Это была её квартира, и она всё устроила там по-своему, в соответствии со своим изысканным вкусом, в стиле царившего тогда в Вене сецессиона. Как всегда, Альма притягивала к себе лучшие умы и самые блестящие таланты. В её украшенном красным музыкальным салоне собирался весь цвет тогдашней Вены: писатели, художники, композиторы, режиссёры и актёры.

И вот в эту, в общем-то, размеренную жизнь, наполненную искусством, лёгким флиртом и ни к чему не связывающими отношениями, ворвался страстный, гениальный, молодой, неуправляемый Оскар Кокошка, вовлёкший Альму в безумный водоворот чувств, который перевернул всю её душу...

О Кокошке, огромном атлете с бритой головой, в Вене тогда много говорили — и о буйстве его живописи, и о буйстве его характера. Он был родом из маленького городка Пехларн на Дунае. Его отец был чехом, из известного рода пражских ювелиров, а мать — австриячкой, из провинции Штирния. Оскар учился в Венской школе прикладного искусства, увлекался литературой и сам писал. Большой известностью пользовались его пьесы, их темами были секс, насилие и вечный антагонизм между женщиной и женщиной. В 1908 году работы Кокошки были показаны в Вене на выставке художников, группировавшихся вокруг Климта. Его картины — со сценами насилия, невероятно эротичные — вызвали тогда яростный протест публики. В 1910 году Оскару улыбнулась удача — берлинский издатель Вальден, владелец и редактор журнала «Der Sturm», заказал Кокошке оформление журнала, а кроме того, Оскар подписал контракт с известным дилером Па-

*Альма Малер,
1909 г.*

улем Кассирером. В 1911 году Кокошка возвращается в Вену, где открывается его уже персональная и довольно крупная выставка. На эту выставку идёт вся Вена, её посетил даже эрцгерцог Франц Фердинанд. Правда, высочайшему ценителю прекрасного картины Кокошки не понравились. Уходя, он сказал: «Этому господину нужно переломать все кости!».

Отчим Альмы Карл Молль однажды пригласил этого скандального художника к себе в гости. Зная его работы, он посоветовал красавице Альме: пусть попросит художника написать её портрет. Что она и сделала. А почему бы и нет?

Позже Альма так рассказывала об их первой встрече: «Он принёс с собой обёрточную бумагу и сразу захотел меня рисовать. Но я, поколебавшись, сказала: мне неловко, когда меня так пристально разглядывают, и попросила позволить мне во время сеанса играть на рояле. Он начал рисовать. Время от времени его сотрясали приступы кашля, и он потихоньку прятал в карман испачканный кровью платок. На нём были драные ботинки и поношенный костюм. Мы почти не разговаривали, но, несмотря на это, он никак не мог сосредоточиться на работе. Наконец мы встали — и вдруг он страстно обнял меня. К подобному обращению я не привыкла... Я никоим образом не ответила ему, и,

Оскар Кокосшка,
плакат к выставке,
1908 г.

видимо, это подействовало на него сильнее всего...» А Кокосшка писал о той их первой встрече так: «Она была столь прекрасна, столь обольстительна под этой вдовьей вуалью!».

Уже на следующий день Альма получила от него письмо. Покорённый её красотой, художник умолял, «пока он ещё беден, стать его тайной женой». Конечно, она не восприняла дерзкое предложение всерьёз, но этот молодой человек, полный какой-то первобытной силы, неистовый и в то же время трогательный, так непохожий на других, несомненно, заинтересовал её. Решив познакомиться с ним поближе, через пару дней она пришла в его номер в дешёвой гостинице. И начался страстный роман, мучительный, принёсший им обоим невероятные страдания, но и невероятное счастье, роман, благодаря которому Кокосшка создал свои, может быть, лучшие картины. Их любовь продолжалась три года. «Три года, проведённые с ним, были для меня сплошной яростной и любовной борьбой. Никогда

до сих пор не испытывала я столько безумств, столько адских мук, столько райских наслаждений», — писала спустя многие годы Альма. После Кокошки в её жизни были другие мужчины, но те три года безумных, упоительных ночей, адские муки ревности, страшные скандалы, которые он ей устраивал, и затем сладостные примирения — нет, ничего похожего в её жизни потом не было.

Оскар полюбил её глубоко и хотел, чтобы она принадлежала ему целиком. Когда они были вместе, он или ласкал её, или рисовал. А когда её не было рядом, писал ей сумасшедшие любовные письма. Она вдохновляла его, рождала в нём невероятные творческие порывы. В 1913 году Кокошка написал картину «Обручённая с ветром». Мужчина и женщина, обнявшись, парят в облаке страстей, светлых и тёмных, и разлучить их не может никто. Удивительное полотно, настоящий гимн любви. А ещё был «Автопортрет с Альмой» и многие другие картины и рисунки. Он писал её нагу и в одеждах, на одних его картинах Альма — красавица, на других — страшное чудовище. «Ты должна как можно скорее стать моей женой, иначе мой огромный талант пойдёт ко всем чертям, — писал он ей. — Ты должна каждую ночь воскрешать меня заново, как волшебный напиток...»

Мать Кокошки был категорически против, как ей казалось, старой, мучившей её сына Альмы. Она даже говорила, что готова застрелить эту страшную женщину, терзающую её мальчика. Но он не мог без неё жить.

Не дождавшись её согласия, Оскар начал готовиться к свадьбе и даже заказал объявления. Узнав об этом, Альма пришла в ярость — она всегда сама решала, как ей жить, — и попыталась держать его на некотором расстоянии, но у неё это плохо получилось. Она продолжала сопровождать его, когда он хотел отдохнуть, в поездках в Голландию, Альпы, в Швейцарию, в Италию. Как-то в Неаполе они увидели, как в аквариуме морское насекомое жалило и в конце концов парализовало какую-то рыбу. Кокошка сказал Альме: «Вот символ наших отношений...»

Однажды Альма решила повесить в доме посмертную маску Малера. Кокошка пришёл в ярость — он ревновал её даже к мёртвому композитору. Потеряв разум от злости, он ударил Альму в живот. Самое страшное заключалось в том, что она в это время была от него беременна. Этот удар имел грустные

последствия — Альма попала в одну из венских больниц, у неё случился выкидыш.

А Оскар прибежал в клинику, отнял окровавленную простынь, на которой лежала Альма, и унёс её с собой, повторяя: «Это был мой единственный ребёнок!». Эта история словно отрезвила её — она поняла, что если хочет жить, то должна уйти от Кокошки.

«Нужно расстаться с Оскаром, — писала она в своём дневнике в августе 1914 года. — Ему больше нет места в моей жизни. Он отнимает у меня все силы... Мы должны поставить точку. Но он всё ещё нравится мне. Очень нравится, слишком нравится!.. Какой дьявол послал его мне!». Видно, Кокошка привязал её к себе своей неукротимой сексуальной энергией, безумной страстью, кипением чувств. Он был для неё как наркотик, но теперь она твёрдо решила вылечиться от этой губительной зависимости.

Ей было очень трудно, порой казалось, что она никогда не сможет от него избавиться. Но вот началась Первая мировая война, и Альма изо всех сил стала уговаривать Оскара: настоящий мужчина просто обязан отправиться на фронт. Наконец ей это удалось — Кокошка записался в элитный драгунский полк. Чтобы обзавестись полагающейся формой и конём, ему пришлось продать «Обручённую с ветром». Кокошку сфотографировали в этом шикарном мундире, и открытки с его портретом стали продавать в магазинах рядом с портретами известных актрис.

Оскар отправился на войну, но долго воевать ему не пришлось — уже через месяц в Галиции его серьёзно ранили: пуля попала в голову, а штык пробил лёгкое. Он оказался в госпитале и тут же через знакомых попросил Альму приехать к нему, но она уже полностью себя контролировала. «Оскар стал для меня чужой тенью. И всё же я очень его любила, — признаётся она на страницах своего дневника. — Но теперь он меня больше не интересует».

Оправившись после ранения, Кокошка вернулся в Вену. Сколько раз он стучался в двери дома Альмы! Но она была непреклонна — его уже не было в её жизни.

Она снова возобновила свои отношения с Гропиусом — тот хорошо знал о всех её романах, но, видно, таково было обаяние Альмы, что он всё ей прощал и только хотел быть с ней рядом. Какой невероятной властью над мужчинами обладала эта женщина!

В 1915 году, то время как Кокошка писал ей с фронта страстные послания, она отправилась в Страсбург, где полковой священник обвенчал её и Гропиуса, который ради такого случая получил отпуск в своей части. После скромной свадьбы он вернулся на фронт, а она уехала обратно в Вену.

А Кокошка, поняв, что Альма потеряна для него навсегда, в отчаянии заказал мюнхенской художнице Эрмине Моос куклу в человеческий рост. Эта кукла как две капли воды была похожа на Альму. Оскар часами разговаривал с ней, клал её в свою постель. Говорили, что он даже брал её в театр. А однажды его друзья, придя к нему домой, увидели, что у кукольной Альмы весь рот измазан чем-то красным. «Это кровь, — хмуро объяснил Оскар. — Она всегда пила мою кровь. И сейчас продолжает это делать». Неудивительно, что многие решили: Кокошка натуральным образом сошёл с ума! То, что произошло позже, только подтвердило это предположение. Как-то, созвав друзей и напившись как следует, Кокошка облил игрушечную Альму красным вином и с криком «убьём ведьму!» топором разрубил ни в чём не повинную куклу на куски. (Спустя многие годы кукла эта была восстановлена и ныне хранится в Венском музее изящных искусств.)

С тех пор пути Альмы и Оскара не пересекались.

А жизнь шла дальше. Понемногу Оскар Кокошка выздоравливал после страшнейшей депрессии, вызванной разрывом с Альмой. В 1919 году он переехал в Дрезден, приобрёл дом и студию и начал преподавать. Репутация смутьяна и ниспровергателя нравственных устоев постепенно ушла в прошлое. Его пьесу «Убийца — надежда женщин» поставили в театре, его картины постоянно выставлялись, и не только в Австрии и Германии, но и в Италии. В 1924 году художник отправляется в долгое путешествие по миру — Северная Африка, Египет, Турция, Палестина. Он писал пейзажи — мягкие, в импрессионистской манере. В его жизни успех и провалы всегда были рядом, после благополучных периодов вновь приходили лишения. В 1931 — 1934 годах Кокошка снова жил в Вене. В это время профашистская критика объявила его искусство дегенеративным, а его картины буквально выбрасывали из музеев. В отчаянии Оскар решил уехать в Прагу, вспомнив о своих чешских корнях, и принял чешское подданство. В Праге он познакомился с Ольгой Павловской и в 1941 году женился на ней. Эта русская женщина стала его самым преданным другом.

Потом было полунищенское существование в Лондоне, где его никто не знал, — Кокошка перебрался туда, когда и в Праге стало небезопасно. Военные годы...

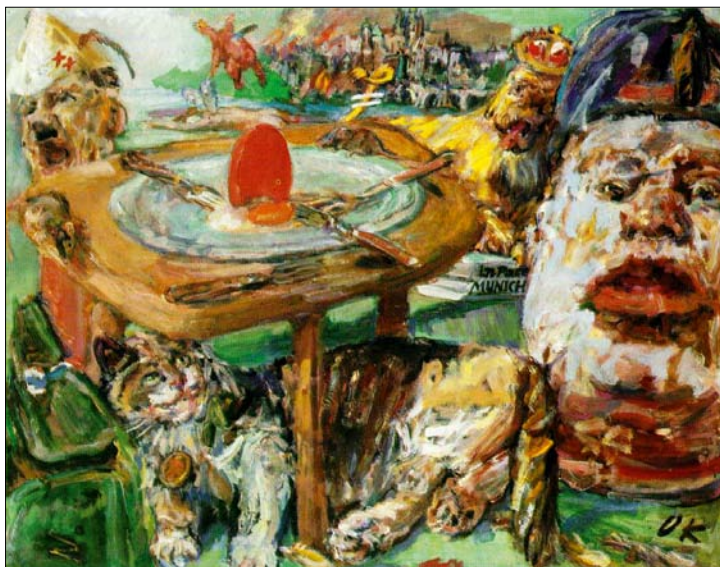
Успех снова пришёл к художнику в 1945 году, когда в Вене состоялась выставка работ лучших австрийских художников XX века: Климта, Шиле и Кокошки. Затем его работы выставлялись в лучших залах мира. К нему, наконец, пришла заслуженная, заработанная большим трудом, страданиями и вдохновением мировая слава. Но Кокошке всё это было уже не нужно. Переехав в тихую Швейцарию, он жил вдали от мира искусства, вспоминал прошлое и писал автобиографию (под названием «Моя жизнь» она вышла в 1971 году) — ему было что поведать о своей бурной молодости...

Умер Оскар Кокошка в 1980 году в госпитале в Монтрё, тихо и достойно, оставшись в истории искусства одним из самых ярких, противоречивых, страстных художников XX века.

А Альма? Вдова великого композитора тоже прожила долгую жизнь — она скончалась в 85-летнем возрасте. И все эти годы нельзя назвать спокойными.

Её брак с Гропиусом продлился недолго. Пока он воевал на фронте, она не скучала — познакомилась (и довольно близко) с молодым поэтом-экспрессионистом Францем Верфелем. Клер Голль, приятельница Верфеля, сказала ему, когда тот приехал к ней посоветоваться — жениться на Альме или нет: «Милый Франц, ей, наверное, в её коллекции не хватало писателя, уж очень она многосторонняя муза». Верфель всё-таки женился — после того как она развелась с Гропиусом и после смерти её годовалого, то ли от Гропиуса, то ли от Верфеля, сына.

Смерти вообще преследовали Альму — умер Малер, умерла её старшая дочь Анна, позже — другая дочь, Манон (от Гропиуса). Уход Манон стал для Альмы настоящей трагедией. Ни одну из своих потерь она не переживала так тяжело. В годы Второй мировой войны фашисты объявили всё, что ей было дорого — музыку еврея Малера, холсты Кокошки, романы другого её мужа Верфеля, — дегенеративным искусством. Альма оказалась в Америке (семейству еврея Верфеля в Австрии оставаться было опасно). Удивительное дело — при всём при этом Альма не скрывала своего антисемитизма и симпатий к Гитлеру. Удивительно, как в ней уживались приверженность к фашизму и тонкое эстетическое чувство! В Америке она по-прежнему

Оскар Кокоска, «Красное яйцо», 1940–1941 гг.

оставалась в центре артистической жизни — в её доме бывали Стравинский, Ремарк, братья Манны, Брехт и Фейхтвангер.

В 1945 году умер Верфель — Альма стала дважды вдовой, хранительницей памяти о Малере и Верфеле и владелицей доходов от исполнения и издания их произведений. Конец её жизни был безрадостен — она растолстела, расплылась, носила огромные шляпы, чтобы скрыть своё стареющее лицо, и, спасаясь от тоски с помощью сладкого Бенедиктина, заливала себя духами, которые, впрочем, не могли заглушить сильный запах алкоголя. Умерла Альма Малер в 1964 году. Её похоронили в Вене, рядом с могилой любимой дочери Манон.

Альмы Малер-Верфель не стало, но в истории культуры XX века навсегда сохранился её образ, миф о женщине, вдохновлявшей многих, но никого не сделавшей счастливым. А ещё остались вдохновлённые ею картины Оскара Кокоски, где она любит и любима одним из самых поразительных художников прошедшего столетия. ▣

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЁР СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Евгения Гордиенко

С позиции сегодняшнего дня, с той лёгкости суждений, которая присуща молодому поколению, мы видим людей, творивших в сталинскую эпоху, бесправными марионетками системы, куклами в руках Главного Кукловода.

Однако каким бы странным это нам не казалось, зачастую это были люди, искренне творившие и искренне верившие, что то, что они делают, — прекрасно...

Гришка Мормоненко

Он не любил вспоминать, как из Гришки Мормоненко, екатеринбургского паренька, превратился в режиссёра Григория Александрова. О его детстве ходило много слухов, в своей автобиографии он писал, что родился в семье горнорабочего. Но, возможно, так было лучше для анкеты. По другим сведениям, его отец, Василий Григорьевич Мормоненко, был хозяином большой гостиницы и ресторана «Сибирь». По семейному преданию, он выкрал из от-

*Александр
Григорий Васильевич,
Герой Социалистического
Труда*

чего дома невесту (Анфиса Григорьевна происходила из знатного рода сибирских татар).

В родном доме Григорий не задержался — уже в 12 лет пошёл работать в екатеринбургский оперный театр «кем придётся». Мог быть и буфетчиком, и бутафором, и посыльным. Когда в город пришла советская власть, на жизни Гришки это отразилось двумя моментами: он поступил на курсы режиссёров Рабоче-крестьянского театра при Губнаробразе и познакомился с юным Иваном Пырьевым — в будущем тоже великим режиссёром.

Наладив в Екатеринбурге художественную самодеятельность, друзья решили не останавливаться на достигнутом и отправиться в Москву. Не последнюю роль в принятии этого решения сыграли гастролы в Екатеринбурге Студии Художественного театра.

Успешно заработав на дорогу художественной самодеятельностью (за работу в клубе ЧК Мормоненко был награждён офицерской шинелью, шапкой, сапогами и солью, на которую можно было выменять хлеб), будущий режиссёр отправился покорять Москву.

Но поезд дошёл только до станции Лосиноостровская — кончились дрова, поэтому до Ярославского вокзала Гришка дошёл пешком. А прямо оттуда направился... к Максиму Горькому, которому вручил письмо от командира 3-й революционной армии, в которой он руководил фронтовым театром, и стихи собственного сочинения. После чего сообщил Горькому, что хочет работать в театре и готов выполнять любую работу — артиста, например, или режиссёра.

Он даже не предполагал, что актёрскому ремеслу надо хоть сколько-нибудь учиться, поэтому страшно обиделся на предложение Евгения Вахтангова выполнить этюд, как петух ухаживает за курицей: «Разве это по-революционному — петуха изображать?».

С Художественным театром, таким образом, отношения у Александрова не сложились. Зато он поступил в Первый рабочий театр Пролеткульта, где и познакомился с человеком, благодаря которому, возможно, и стал тем, кем стал, — с Сергеем Эйзенштейном.

Друг и учитель

Александров помогал Эйзенштейну в съёмках фильмов «Стачка» и «Броненосец «Потёмкин», причём в последнем даже сыграл роль офицера. При работе над фильмами «Октябрь» и «Старое и новое» Александров уже был соавтором и сорежиссёром Эйзенштейна.

Летом 1929 года, по распоряжению наркома культуры Луначарского, Эйзенштейн, Александров и оператор Тиссэ отправились в Европу и Америку для пропаганды советского киноискусства.

Но из американского турне Александров и Эйзенштейн вернулись едва ли не врагами. Что произошло между закадычными друзьями, достоверно не известно. В своих мемуарах Александров упоминал лишь о бесконечных обедах с Марлен Дитрих и завтраках с Чарли Чаплином...

Однако были в Америке и курьёзные случаи: Эйзенштейн с Александровым едва не стали здесь миллионерами. Как-то их пригласил на обед в ресторан один влиятельный продюсер, после третьей рюмки давший команду официантам внести в кабинет, где сидели гости из Союза, телефонный аппарат. «Через минуту, — сказал он, — по этому телефону позвонит Лев Троцкий. Он хочет предложить вам экранизировать свою новую книгу «Тайны Кремля». Поздравляю, ребята, вы без пяти минут миллионеры».

Однако «ребята» испуганно взглянули на телефон, замахали руками, закричали: «Это провокация!» — и выбежали из ресторана. Визит в Штаты подошёл к своему логическому завершению.

Любовь

О первом браке с актрисой Ольгой Ивановой Александров вспоминал мало, хотя живое его свидетельство — сын Дуглас, названный так в честь его друга актёра Дугласа Фербенкса, — жил с режиссёром до конца своих дней.

В августе 1932 года Александров вернулся в Москву из поездки по Америке и развёлся с женой.

В это же время он написал сценарий первой советской музыкальной комедии, где простой пастух становился, благодаря своему таланту, известным певцом. Роль писалась специально для Леонида Утёсова и его команды музыкантов. А вот исполнительницу главной роли Александров долго не мог найти. Наконец ему посоветовали посмотреть в Музыкальном театре спектакль «Перикола» с Любовью Орловой в главной роли. Григорию Васильевичу актриса сразу понравилась, и вскоре он утвердил её на роль Анюты.

Фильм «Весёлые ребята» очень хвалили за границей, где он шёл под названием «Москва смеётся». А вот на родине такого успеха не было — на картину обрушились критики, но Главному Зрителю, на которого и уповал Александров, фильм понравился. Посмотрев «Весёлых ребят», Сталин сказал: «Хорошая картина, весёлая. Я как будто месяц в отпуске пробыл. А что, кому-то она не понравилась? Товарищ Жданов, кажется, у вас были какие-то возражения?» — «Нет-нет, товарищ Сталин, после второго просмотра все вопросы отпали». Этих слов было достаточно, чтобы возвести тридцатилетнего режиссёра в ранг «неприкасаемых». Следующие ленты Александрова единогласно признавались шедеврами: «Весна», «Цирк», «Волга-Волга», «Светлый путь».

Вскоре после выхода на экраны «Весёлых ребят» Сталину принесли список лиц, представленных к наградам. Список был общий, и открывали его фамилии военных — лётчиков, моряков, пограничников, затем в алфавитном порядке шли творческие работники, и первой стояла фамилия Григория Александрова. Сталин общей фигурной скобкой выделил всех военных в верхней части листа и написал «орден Красного Знамени», то есть награда боевая. Ну а все, кто шёл следом, соответственно, награждались «мирным» орденом Трудового Красного Знамени. Но кончик фигурной скобки каким-то образом захватил и фамилию ки-

Орлова Любовь Петровна

норежиссёра Александрова. В секретариате это, конечно, заметили, но тревожить вождя по пустякам не решились. Во время вручения награды ошеломлённый Александров шёпотом спросил Михаила Ивановича Калинина:

— За что мне такая награда?

— За храбрость, — ответил «всесоюзный староста».

Александров получил не только славу и награду, но и Любовь Орлову — главную музу и любовь всей своей жизни. Позже он вспоминал: «Мы прожили с Любочкой сорок два года, и это были сорок два года счастья».

Конечно, не всегда жизнь была такой безоблачной, как казалось окружению супругов. Оглушительный успех вскружил Орловой голову. Волей-неволей ей приходилось быть завсегдатаем различных праздников и пиршеств, славившихся разнообразием снеди и выпивки. Орлова пристрастилась к алкоголю, стала пить в одиночку. Но Александрову удалось спасти жену от пагубного пристрастия. Сталин, относившийся к Орловой с уважением и пиететом, всё же иногда позволял себе подшучивать над ней и мужем: «А что это вы такая худенькая? Вас муж не кормит? Вы только скажите — мы его сразу расстреляем...»

Александров и Орлова очень любили свою дачу во Внуково. Они жили замкнуто и всегда, с самого первого дня своего знакомства, обращались друг к другу только на «вы», словно это ограждало хрупкий мир их счастья от пошлости мира кино...

Закат

Карьера Александрова как режиссёра пошла под уклон со смертью Сталина в 1953 году. Вышедший в 1960 году фильм «Русский сувенир» критики единодушно обругали. Александрова фактически обвинили в том, что он не умеет снимать кино.

И он перестал этим заниматься. Стал заседать в президиумах конференций, читать лекции, фотографироваться с приезжавшими в страну западными актёрами...

Карьера Орловой тоже пошла на убыль — кроме мужа, никто не мог снять её так, чтобы не был заметен её уже далеко не юный возраст.

В 1974 году вышла последняя совместная картина Орловой и Александрова «Скворец и Лира», где Орлова сыграла молодую разведчицу, хотя актрисе в это время уже было 72 года. Возраст так и не удалось замаскировать, и фильм дружно освистали все, кто его видел.

Когда Александров узнал, что у его жены обнаружили рак, он сказал: «Хорошо, что она первая...» В день рождения мужа Орлова потеряла сознание, а через несколько дней умерла. Похороны состоялись в её собственный день рождения.

Через год Александров потерял и сына Дугласа, Васю, как называли его в семье. После этого его здоровье, в том числе и психическое, резко ухудшилось. Однажды спросив про сына: «А где Вася?», он услышал в ответ: «Ушёл за хлебом». Больше Александров судьбой сына не интересовался.

Он женился на вдове своего сына Галине, чтобы по закону оставить ей наследство. Про Галину говорили и писали много плохого: что за Дугласа она вышла исключительно из-за желания быть рядом с Александровым, в которого была влюблена, и что своего сына Григория родила не от мужа, а от свёкра. Она не разрешила похоронить Григория в одной могиле с Орловой. Но несомненно одно: Галина до последнего дня ухаживала за пожилым режиссёром, перепечатала его дневники, привела в порядок архив...

Уже после смерти Александрова вышел его последний фильм — документальная работа «Любовь Орлова», посвящённая жене.

Таким был этот талантливый человек, обласканный властью, получавший высшие награды, но никогда не изменявший своему желанию снимать только то, что ему хочется. ▣

Смерть голубки

Елена Колчак

Дайте мне точку опоры... и я встану на ноги!

Илья Муромец

1

Тела притягиваются друг к другу прямо пропорционально массам и обратно пропорционально квадрату расстояния между ними.

«Сексология», издание 3-е, переработанное и дополненное

— Д а, Рита, в моём возрасте профессиональная ошибка — это просто стыдно. Но я и подумать не мог... Григорий Семёнович, психиатрическое светило нашего города, выглядел расстроенным. Я ещё раз посмотрела на фотографии, переданные мне главным редактором. «Ошибка» профессора Калинкина неловко раскинутыми руками обнимала грязный асфальт. Русые волосы слева потемнели от крови, лица не видно, под левой ладонью ком смёрзшегося снега, под правой — какие-то перья, вроде бы голубиные.

В «Городской газете» я работаю так давно, что моя способность ввязываться во всяческие детективные истории известна шефу не понаслышке. Вот и предложил «разобраться».

Тихая филфakovская девочка перед Новым годом вышла замуж. Со здоровьем никаких проблем. Выяснилось, правда, что месяц назад девочка ходила к психиатру — по причине «расстроенных нервов». Вряд ли, конечно, там было что-то серьёзное,

раз сам специалист «и подумать не мог». Но в результате — распахнутое окно (девятый этаж, между прочим), и тихая девочка внизу, на асфальте. Родные — тётка и бабушка — в полном шоке: «Таточка, голубка наша, да как же это могло случиться!». Ну а шеф, судя по всему, их близкий знакомый. «В общем, странно всё это, Маргарита Львовна, разберитесь, а то милиция дело как несчастный случай закрыла».

Пожалуй, действительно странно: всё-таки не май месяц — февраль, и ни один нормальный человек при морозе минус двадцать просто так окно открывать не станет. То есть случайно не выпадешь, а для самоубийства вроде бы никаких оснований.

Правда, определение «тихая девочка» меня всегда смущало...

— Я ведь и сейчас не понимаю, в чём моя ошибка, — пытался оправдываться профессор. — Обычная история: супруг после свадьбы становится уже не столь пылок, девушка начинает переживать, старается привлечь внимание разными способами. Капризы, перепады настроения, голоса мерещатся... Типичные истероидные реакции, но всё в пределах нормы, никакой патологии...

— А голоса, про которые она вам рассказывала, — это тоже в пределах нормы?

— Я решил, что про голоса она придумала. Демонстративная личность. Театр одного актёра. Ну, я ей выписал слабенькие транквилизаторы, посоветовал гулять побольше, в бассейн походить, в спортзал.

— Григорий Семёнович, но мы ведь всё-таки в России, не в Америке живём. Если человек решил обратиться к психиатру, значит ситуация серьёзная, а?

— Так она ведь не сама обратилась, муж её позвонил: мол, у жены не в порядке нервы, галлюцинации, настроение скачет, просил принять. Я его только мельком видел: типичный современный бизнесмен, здоровый, башка бритая, затылок как у штангиста. Впечатление довольно бесцветное. Не знаю, может, он и в самом деле после свадьбы стал жене меньше внимания уделять? Но это ведь нормально.

— И вам не показалось, что она может покончить с собой?

— Да нет, конечно! К тому же такие дамы, если и совершают попытку, то на публику. Таблеток наглотаться, ну, вены там полоснуть — но чтобы обязательно кто-нибудь заметил,

спасти успел, утешал, прыгал вокруг, жалел... А в окно — никогда. Я до сих пор не понимаю, как это произошло.

2

Спрашивают — отвечаем.

Армянское радио

Способность попадать в разного рода «истории» приводит к тому, что и знакомые заводятся вполне соответствующие: следователи, адвокаты, участковые, даже один патологоанатом. Но лучший из всех, безусловно, старший опер городского убойного отдела майор Никита Игоревич Ильин, по прозвищу «герр майор». Душка, лапочка, практически мечта. Мои «исторические» таланты он терпеть не может, однако терпит. А куда деваться? Перевоспитывать поздно, легче убить, а если меня не контролировать, ситуация может вовсе выйти из берегов.

В этот раз «герр майор» воспитывал меня без особого энтузиазма: «Львовна, ты опять за своё?» — и даже нужную информацию добыл моментально, хотя обычно клещами тянуть приходится.

Тихая девочка Тата — в девичестве Татьяна Голубкина — осталась на попечении бабушки и тётки лет десять назад, когда её родители погибли в автокатастрофе. Благополучно закончила школу, институт, немного поработала в школе, потом ещё где-то, полгода трудилась в строительной компании «Квартал», вышла замуж за её владельца, уволилась и предалась витью гнезда, чтению книжек и прочим приятным занятиям. На бывшей работе, впрочем, ходили туманные слухи, что семейная жизнь у неё складывается не так чтобы очень радужно: молодой супруг после свадьбы расслабился, розами каждый день не осыпал и на руках не носил. Обычное дело. Впрочем, если какие проблемы и были, то не особенно серьёзные: ни тётке, ни бабушке Тата о них не рассказывала. Те были абсолютно уверены, что в семье у девочки всё замечательно.

Хотя о визите к психиатру дамы тоже не знали. В курсе была только ближайшая подруга. Может, Тата с роднёй вообще

не слишком откровенничала? Тем более что там и своих забот хватало: кроме племянницы-сироты у тётки имелся обожаемый сынуля. Удобно устроившись на материнской шее (бабушку оседлать как-то не удалось), он уже который год дожидался, пока человечество, наконец, признает его гениальность. Не то в литературе, не то в музыке, не то в духовных исканиях. А может, и не дожидался, просто паразитировать на материнском сердце гораздо удобнее, чем делать что-то самому.

На этом фоне, конечно, жизнь Таты выглядела прекрасной. Даже более чем.

В своё последнее утро она посетила женскую консультацию, получила справку о беременности, засияла (по словам врача и медсестры) от счастья, подробно записала все рекомендации, взяла направления на анализы, позвонила мужу и поехала почему-то не домой, а в бабушкину квартиру, где жила до свадьбы.

... Часа через три-четыре один из местных собачников наткнулся на её тело.

Разбилась она сильно, но других повреждений не было: ни синяков необъяснимых, ни ссадин, ни — боже упаси! — уловов. Ничего.

Консьержка из соседнего дома уверяет, что из посторонних никого не видела. Только вскоре после Таты в подъезд вошёл её муж.

Восхитительно! Но в квартире никаких следов чужого присутствия. Если кто-то и был, не по воздуху же он летал! На кухонном столе ещё тёплый заварочный чайник, две чашки — из одной пила сама Тата, другая чистая. Окно распахнуто, снегу рядом намело, на подоконнике отпечатки — смазанная ладонь и вроде бы след колена. Как будто она вставала на подоконник и опиралась растопыренной пятернёй. Рамы практически чистые: не цеплялась, не хваталась, не упиралась. На рубашке и джинсах тоже ничего постороннего. Под ногтями чисто, только на правой руке немного голубиного пуха — там, где Тата упала, незадолго перед тем какая-то собака или кошка голубем пообедала. В крови ни малейших следов алкоголя, наркотиков или ещё чего-нибудь подобного. Не пила, не курила, не нюхала, не кололась... Тихая девочка.

Что же получается?

Пришла в квартиру, заварила чай (приготовила две чашки — явно ждала кого-то), выпила и...

И что дальше?

Распахнула окно и бросилась?

Распахнула окно, забралась на подоконник и поскользнулась?

Распахнула окно, неведомый (и бесплотный — никаких следов не оставил!) злодей в это время за ноги дёрнул?

От толчка сверху на теле какой-никакой след да остался бы — на шее, на затылке, на спине.

Или психиатрическое светило всё-таки ошибался, и галлюцинации у девочки были настоящие? Ну, в том смысле, что ничего она не сочиняла. Тогда вторая чашка очень даже в тему.

3

*Если человек хочет что-то сказать,
он непременно скажет.*

Если не хочет — тем более скажет.

Зигмунд Фрейд

— Наташа, почему посторонние в приёмной? Где договор с «Марсом»?

Лысый череп блестел, как шар для боулинга, а над ушами туманился наивный белёсый пушок. Глаза, впрочем, смотрели жёстко, почти жестоко. И вообще, безутешный вдовец Александр Викторович Каменщиков производил довольно угрожающее впечатление. Кинг-Конг в офисном костюме.

Конечно, я попыталась разговорить «нежного» супруга. Распиналась о том, что просто так люди из окон не падают, а милиция, конечно, ничего не предпринимает, и так далее...

— Бросьте своё... расследование, — Александр Викторович выплюнул это слово, будто в нём было не две «с», а по меньшей мере восемь. — Вам, журналистам, лишь бы в сплетнях поковыряться. Прекратите, ясно? К милиции у меня претензий нет. Тату не вернёшь, а всем и так тяжело.

Не мужик — бастион. Великая Китайская стена. Форт-Нокс.

— Извините, Александр Викторович, — секретарша подала начальнику синюю папку, достала из шкафа мою куртку, неловко сунула её мне в руки и виновато пожалала плечами.

Мне оставалось только удалиться. Куртку натянула уже в коридоре, автоматически сунула руку в карман... и вдруг в нём что-то зашуршало.

Я вытащила бумажную четвертушку, которую пересекала корявая строчка: «Я работаю до пяти».

Очень захотелось покурить, и курилка обнаружилась на лестничной площадке. Сухопарая дама в безукоризненном английском костюме бросила в мою сторону короткий, абсолютно «фотографический» взгляд. Её собеседница, полная, коренастая, в ажурной пушистой кофточке с блёстками и оборочками, увлечённо дирижируя тонюсенькой сигареткой, меня, кажется, даже не заметила.

— А я тебе говорю, она всегда себе на уме была. Тихоня. Ах, бродячая собачка, ах, голодная, ах, котёнок бездомный, ах, надо его пристроить! Глазки вниз, спасибо-пожалуйста — аж противно! У меня невестка такая же, я про этих тихонь всё знаю. Книжки они читают! Мечты мечтают! Вот и домечталась!

— А ты не думаешь, что Каменщиков, — «английская» дама произнесла фамилию так тихо, что я скорее угадала её, чем услышала, — её довёл?

— Да ладно! — «пушистая» энергично махнула рукой. — А чего она хотела? Думала, он принц бельгийский? Пылинки с неё будет сдувать? Все мужики от законных жён налево ходят, у них натура такая, не переделаешь.

— Вот именно, — сухо подытожила «англичанка».

Дамы синхронно погасили сигареты и удалились.

Как интересно! Точка зрения офиса почти дословно совпадает с мнением психиатрического светила. Вот только светило и сейчас считает всю эту романтику демонстрацией...

4

*Чем больше я узнаю людей,
тем больше люблю кошек.*

Бенедикт XVI

Шуганув громадного дымчато-серого кота, Наташа приготовила чай и пригорюнилась.

— Это же я её сюда на работу устроила. Саша... ну, Александр Викторович ко мне клеиться начал. Не ссориться же с начальством. Место отличное, платят хорошо. Вот я и пожаловалась, что устала, и ушла в отпуск, чтоб с глаз долой, понимаете? А на замену Татку привела. Думала, мужикам ведь всё равно, пусть на неё переключится. Вот и переключился...

— И Тата не возражала?

— Да я ещё в школе ей мальчиков сплавляла. Она ведь тихоня... была. Ни с кем сама не знакомилась. Если б не я, так монашкой и ходила бы. Ой, что ж я говорю-то!

— Значит, вы давно дружите?

— Ещё с детского сада! Мы же соседки, подъезды разные, а квартиры рядом. С моего балкона до её кухни рукой подать. Я теперь туда и выйти не смогу, придётся квартиру менять.

Я всё-таки вышла. Стеклянная клетка, фигурные решётки по торцам, на них — цветочные ящики вразной.

— Как же вы до цветов-то добираетесь?

— Рамы на лето снимаю. Да что уж теперь...

Кот, воспользовавшись нашим отсутствием, копался в углу комнаты, яростно царапая ковёр. Наташа выставила его в прихожую, вздохнув:

— Весна скоро, Пушок опять беситься начал, — она потёрла тёмную ссадину на левой ладони и поморщилась. — Нас ещё Тата-Ната звали... Господи! Ну я же не знала, что он такой козёл!

— Так вы думаете, Тата из-за него?

— А как же! Она же влюбилась как... как ненормальная. Сашенька то, Сашенька сё. А Сашенька после свадьбы сразу соскучился, давай по сторонам поглядывать. Татка последнее время сама не своя была. «Ах, Сашенька так изменился, смотрит на меня как на пустое место». Переживала ужасно. И врач бес-

толковый попался. Я тогда за канцтоварами ездила, встретила её, она мне пожаловалась, что даже врач ей не верит. В общем, здорово на нервах была. Только когда о беременности узнала, вроде расцвела. Позвонила мне вся радостная такая, давай, мол, посидим, отметим...

— Значит, в этой квартире она с вами собиралась встретиться?

— Ну да. Только мы на шесть договаривались, а она почему-то пришла раньше. Знаете, я думаю, после меня она ему ещё звонила, и он ей что-нибудь такое сказал, что... Или вы думаете, что он за ней шёл? Тётя Надя говорила, что видела его тогда...

— Тётя Надя — это консьержка?

— Ну да.

— А она не могла перепутать? Наверное, старенькая уже, плохо видит?

— Да у неё глаз орлиный, через три стены всё разглядит, не то что через дворик.

5

Устная речь — наиболее доступная форма передачи информации.

Герасим

Следующий день выдался ясным и на удивление солнечным, и я решила посмотреть на «место происшествия». По солнышку-то даже в мороз гораздо веселее.

Соседний дом, консьержка которого в тот самый день видела Александра Викторовича, правильнее было бы именовать домом напротив. Практически подъезд в подъезд, метров пятьдесят, не больше, на таком расстоянии среди бела дня не обозначаешься.

На суровый вопрос «кто там, в какую квартиру?», я ответила, каюсь, слегка привравши:

— Наташа сказала, хорошо бы с тётей Надей поговорить...

Замок сразу бибикнул, и дверь открылась.

Мне повезло, дежурила как раз тётя Надя. Возраст её я определить не взялась бы: плотная, многолетний «деревенс-

кий» загар, перманентные кудри «под красное дерево», серый пуховый платок, овчинная жилетка. Может, пятьдесят, а может, и все семьдесят. На столе в комнатухе — недовязанный носок, электрический чайник, газетка с кроссвордом...

Похоже, имя было своего рода паролем — поздоровалась тётя Надя очень дружелюбно:

— А ты Наташенькина подружка? Может, чайку? — она щёлкнула кнопкой чайника и гордо приосанилась. — Видишь, какой? Она подарила, не забывает старуху.

— Да какая вы старуха! — честно возразила я. — Небось и видите получше многих молодых.

— Да уж, не жалею. Ты про мужа Таткиного спросить хотела? Видела, как есть видела. Сперва Татка пришла, она теперь редко тут бывает, а потом и он в подъезд шмыгнул.

— Он на машине приехал? — я спросила это совершенно автоматически, ибо представить себе господина Каменщикова в общественном транспорте было затруднительно.

Тётя Надя замялась.

— Вот не знаю, машину не видела, видела, как он в подъезд входил, а машину...

Так, если «входил в подъезд», значит видела со спины.

— А обознаться не могли?

— Да ты что! — возмутилась консьержка. — Я ж его знаю как облупленного, раньше-то он почитай каждый день сюда шастал, а уж как женился — всё, больше не приходил. А чего ты спрашиваешь-то?

— Так, проверяю кое-что.

Я поблагодарила тётю Надю за невыпитый чай и пошла, наконец, «осматривать место происшествия». Обошла дом, посчитала окна...

Крови уже видно не было, так, какие-то невнятные тёмные пятна. Грязь и грязь. Пивные пробки, бычки прошлогодние, половинка пластиковой бутылки, полутораметровый кусок ржавой арматуры, кривой от сырости обломок текстолита, аптечный пузырёк из-под перцовой настойки... Два пятна заметнее других. Подойдя вплотную, я поняла, что на земле лежат две увядшие розы. Видимо, они были бордовыми, но на морозе скукожились и потемнели почти до черноты. Половинка бутылки оказалась импровизированным подсвечником — на дне застыл слой стеарина.

Неподалёку обнаружился пустой ящик, и я, присев на него, стала ждать.

Наконец я его увидела: худой (насколько можно судить в зимней куртке), весь в тёмном, с пакетом. Достал из пакета ещё один «подсвечник», установил, щёлкнул зажигалкой и присел на корточки, сосредоточенно глядя на свечу...

Я поднялась, подошла поближе и увидела, что место двух увядших бордовых роз заняли две белые, свежие. На часах было около трёх — примерно в то же время Тата совершила свой страшный полёт.

Минут десять я стояла молча, потом решилась:

— Вы её знали? Какая она была?

Он никак не отреагировал на мой вопрос. Может, вообще глухой? Вздохнув, я вполголоса сообщила ближайшей берёзе:

— Я не верю, что Тата сама упала...

Тогда он вскинул на меня совершенно безумные глаза, вскочил и ринулся прочь. Надо же, вовсе не глухой.

В забытом пакете, как я и ожидала, обнаружались увядшие розы и половина бутылки со сгоревшей свечой. Сегодняшней свечи оставалось ещё, должно быть, на полчаса.

Я рванулась вслед за ним. И, конечно, не догнала: троллейбус, в который он вскочил, захлопнул двери перед самым моим носом. Сначала я огорчилась, а потом подумала: «Ну, и догнала бы, и что? Схватила за рукав и потребовала объяснений? Смешно!».

Ладно, он никуда не уйдёт, пора нанести визит родственникам, которые меня во всё это втравили. Пусть они хоть что-нибудь объяснят!

6

Есть женщины в русских селеньях!

Центральное статбюро

Маленькая бледная женщина с учительским пучком на затылке безропотно впустила меня в квартиру и провела в довольно большую комнату, придвинула стул, принесла чай — всё это

молча — и присела напротив, на самом краешке дивана, кутаясь в оренбургскую шаль.

— Меня зовут Нина Борисовна, маму — Роза Викентьевна.

Вообще-то кресло в углу было первым и едва ли не единственным, что я заметила в комнате. Когда-то, я уж не помню у кого, вычитала странное выражение — «великолепная руина». Никогда не понимала, что это значит, а тут увидела собственными глазами. Бесформенная груда, восседавшая в кресле, была, бесспорно, руиной и, не менее бесспорно, — великолепной. Она внушала не жалость — преклонение. Не поздоровалась и вообще никак не показала, что заметила моё появление, но невозможно было отделаться от ощущения, что я пришла именно к ней.

— Расскажите мне о Тате, — попросила я Нину Борисовну.

— Да что рассказывать? С ней никогда не было никаких проблем. Тихая, спокойная... Упрямая, правда. Подберёт бездомного котёнка и торчит на остановке до посинения, пока не пристроит кому-нибудь. Мне очень помогала, всегда на неё можно было положиться... Да не знаю я! Вы лучше задавайте свои вопросы, а я буду отвечать.

Так. К моему шефу явно обращалась не Нина Борисовна.

— Вы думаете, смерть Таты — это случайность?

— Да что я могу думать! У меня своих забот хватает, — она понизила голос. — Это мама себе всё придумывает, возраст уже...

— Не шепчи, я всё слышу! — тут же откликнулась «руина». Голос у неё оказался на удивление звонкий и хорошо поставленный, какой обычно бывает у актрис. — Расскажи девочке.

— Нина Борисовна, вы не знаете, у Таты был какой-нибудь... ну, верный поклонник?

— Олежек? — оживилась та. — Ох, нет, Коля. Нет, погодите...

— Ярослав, — сообщили из кресла.

— Да-да, правильно, Славочка. Такой странный мальчик, знаете. Тата ему никогда повода не давала, а он всё ходил за ней и ходил. У подъезда дожидался, у института, у работы. Розы дарил. И не по праздникам, а в обычные дни. И молчал всё время.

— Это Наташка, зараза, её пристукнула!

Ввалившийся в комнату парень доверия не внушал, а внушал желание куда-нибудь поскорее скрыться. Большой, мрачный, опухший, на сизом черепе островками пробивалась тёмная щетина, на левой скуле ссадина... Впрочем, если бы его

побрить, переодеть и заставить улыбнуться... очень может быть, что он сущий обаяшка. Во всяком случае, для тех, кто предпочитает brutальных мужчин.

— Русенька, ну как ты можешь так говорить? — всполошилась Нина Борисовна.

— Могу и говорю! А тебя сколько раз просил не сюсюкать! Раз уж угораздило наградить меня этим дурацким имечком, то хоть называй как следует — Руслан. Поняла?

— Поняла-поняла, — закивала она. — Пойдём, Руслан, тебе лежать надо, пойдём.

Как ни странно, сыночек послушно пошёл за мамой.

— Не слушайте его, — поморщилась Роза Викентьевна. — Руслан уже сто лет Наташу ненавидит. Они с Татой на первом, кажется, курсе учились, когда он... — «руина» запнулась, подбирая слово.

— У них был роман? — удивилась я.

— Да нет, что вы, какой роман! Просто он...

— Под юбку к ней полез? — спросила я напрямик.

— Ну да, — тяжело вздохнула она. — Он же слова «нет» не понимает, сами видите, какой. Наташа ему и... двинула. От души двинула. Вот Руслан с тех пор и злится.

— Роза Викентьевна, именно вы, как я понимаю, не верите, что смерть Таты — несчастный случай или тем более самоубийство?

— Да, Рита. Я... Как бы вам объяснить. Герочка у меня училась, — Роза Викентьевна покосилась на дверь, видимо, опасаясь возвращения Нины Борисовны. А я даже не сразу поняла, что Герочкой она называет моего шефа. — И сейчас навещает, про вас рассказывал. Понимаете, мне нужно знать... — опять запнулась она.

— Вы думаете, это мог сделать Руслан?

— Нет. Не знаю. После Таточкиной свадьбы он стал как бешеный: отдай мне квартиру, не могу больше на ваши старые рожи смотреть! А я... Конечно, муж у Таты вполне обеспеченный, но ведь в жизни всё бывает. Я хотела, чтобы у её детей было жильё. Хотела правнуков дожидаться и им квартиру отписать. А когда... когда Таточка погибла, Руслана весь день не было, даже ночевать не пришёл, появился только утром, весь какой-то... То ли с похмелья, то ли побитый... Видите, как Нина над ним кудахчет... Нет, всё-таки нет. Я много думала в эти дни.

Руслан, конечно, совершенно неуправляемый, видит только себя, но он, знаете, очень примитивный. Вспылить, ударить, даже придушить — да, возможно. Но задумать, выследить и аккуратно осуществить свой план... Нет, на это он не способен. Да и потом, Тата его и в квартиру не пустила бы...

Уходя от Голубкиных, я пребывала в ещё большей растерянности, нежели до визита.

Чёрт побери! Что теперь делать-то? Дипломат из меня как из змеи балерина.

Продолжая чертыхаться, я спустилась вниз... И тут из-за угла перед подъездной дверью выдвинулось что-то большое, тёмное и схватило меня за воротник.

— Ты! Не лезь в это дело, поняла? Сдохла Татка, туда ей и дорога, теперь бабка квартиру мне отдаст, никуда не денется, с собой-то не заберёт! — «оно» загоготало и тряхнуло меня за шкуру, довольно чувствительно приложив к стенке. — А ты не лезь! Поняла?

Я пискнула что-то невнятное, и «оно» исчезло. Вся сцена продолжалась, ну, полминуты, я даже испугаться не успела, не то что крикнуть или стукнуть. Да и разве такого стукнешь — он в два раза крупнее меня.

Вот уж, действительно, чёрт побери!

7

Свеча горела на столе...

Яблочков

За окном, как и полагается в феврале, мело. Я тупо смотрела в снежную муть, так как в голове было ничуть не яснее. Когда Ильин, порывав для порядка, сообщил, что в день смерти Таты Руслан с утра ухитрился надраться до поросычьего визга, после чего буянил возле здания, где размещался офис Каменщикова, и к часу дня был заперт в «обезьяннике» ближайшего отделения милиции, откуда вышел лишь на следующее утро, в моей черепушке всё смешалось не хуже, чем в доме Облонских. Ведь так хорошо всё складывалось! И вот, пожалуйста!

В голову лезла всякая белиберда. Интересно, у Розы Викентьевны хотя бы сиделка есть, или Нина Борисовна в одинокую крутится? И мать-старуху обихаживает, и сыночка своего отмороженного. Да, есть женщины в русских селеньях...

И Наташа-Клеопатра что-то темнит. Она-то должна знать, на кого переключился «нежный» муж. Тогда почему не говорит? Хотя, конечно, «работа отличная, и платят хорошо». Никто не станет кусать руку, которая кормит. Или просто прикрывает кого-то?

Славочка этот... Вот скажите, как в наше время можно след в след за ненаглядной ходить? Он учится? Работает? Или что?

И консьержка эта... тётя Надя. Обозналась? Тогда почему так настаивает на своём? Или «нежный» супруг приходил в другую квартиру?

Нет, это идиотизм. Даже если вахтёрша не обозналась, если Александр Викторович проследовал за супругой в её квартиру... Две чашки...

Нет, не может быть! Он, конечно, дядька крупный, вытолкнуть Тату из окна ему совсем не трудно. Но со следами-то как быть?

Мне казалось, что я упускаю что-то важное и очевидное. Вот оно, перед глазами, а я его не замечаю.

Психиатр, тихоня, бездомные котятка...

Открыв блокнот, я начала разглядывать дымчато-серый клочок, прихваченный с ковра в Наташиной квартире. Шерсть почему-то пахивала курицей. Точнее, курятником...

Чёрт! Так вот в чём дело! Это не шерсть, это пух! Или я опять ошибаюсь? Руслан тоже подходил по всем статьям...

Надо срочно позвонить профессору и спросить...

Профессор Калинин опять ответил, что мужа несчастной девушки помнит смутно, но описание повторил: большой, похож на штангиста или на борца, бритоголовый, причём скорее блондин, судя по пигментации кожи, бровей и ресниц.

Меня смущала одна-единственная деталь, и я задала наводящий вопрос.

Профессор даже обиделся:

— Да что вы, Рита! Я, конечно, психиатр, а не дерматолог, но тут только слепой может ошибиться.

Так. Теперь консьержка, как бишь её там? Ведь Ильин все фамилии назвал, я же записывала. Ага! Вот. Через двадцать минут

копания в адресных, медицинских и прочих компьютерных базах всё стало ясным, как новогоднее утро. И столь же тошнотворным. Эх, тётя Надя, тётя Надя, как же вас угораздило?

Никуда не денешься, надо Ильину звонить, пусть найдёт, кто там в районе на падение выезжал, и пора отправляться с визитом к господину Каменщикову.

8

*Лучше быть живым параноиком,
чем мёртвым пацифистом!*

Иван Грозный

Ильин привёз с собой мальчика-опера из районного отдела. Мальчика звали Костей, и вид у него был совершенно «ботанический». Пригласили, разумеется, и Нину Борисовну. Без Руслана, Славика и тёти Нади решили обойтись. Разместились прямо в приёмной. Костя устроился возле Нины Борисовны, Ильин — между Каменщиковым и Наташей.

Господин Каменщиков не скрывал недовольства нашим визитом. У Наташи буквально горели глаза.

Начала я тем не менее с Руслана. Нина Борисовна, разумеется, тут же взвилась из своего уголка:

— Оставьте мальчика в покое! Он ни в чём не виноват! Он не мог!

— Как же, как же, мы в курсе. Милицейский «обезьянник» — лучшее алиби, да? Очень умно. Мальчик, надо же! Не сегодня-завтра тридцатник стукнет, ни работы, ни жилья, а тут квартира пропадает. А если бы Тата родила, у него точно никаких перспектив. Впрочем, это потом. Александр Викторович, вас не удивляет, что двоюродный брат Таты как раз в день её смерти у вашего офиса скандал устроил?

— Я что, на каждого алкаша должен внимание обращать? — высокомерно бросил Каменщиков.

— И на Славика, который за Татой как приклеенный ходил, вы тоже внимания не обращали?

— Он же ненормальный, что с него взять?

— Понятно. Этот алкоголик, тот ненормальный, у Таты вообще галлюцинации. Не многовато ли психов на квадратный метр?

Минут через десять «безутешный» вдовец окончательно вышел из себя:

— Я вам в десятый раз повторяю: не знаю я никакого психиатра! Я в тот день с утра на объектах был, вернулся только к обеду, Наташа может подтвердить.

— Наташа ездила за канцтоварами и не видела, когда именно вы вернулись. Так что к психиатру вы вполне могли успеть.

— Рит, а при чём тут вообще психиатр? — вмешался Ильин.

— Ну как же! Такой свидетель! Он ведь искренне подтверждает, что у девушки психика была нестабильная, голоса ей какие-то слышались. Правда, по его мнению, «голоса» она сама придумала, поскольку перед нами типичный истероид с демонстративным поведением. Суицидальные попытки у подобных личностей если и случаются, то такие же демонстративные. А в окно — это уже другой стиль. Так что профессор Калинин — отличный свидетель. Если бы в суде, к примеру, задали вопрос, могла ли девушка совершить попытку самоубийства, профессор ответил бы, что могла. И причина веская — муж разлюбил. Вообще, странный какой-то муж получается. На супругу ему наплевать, кстати, даже в консультацию Александр Викторович её не сопровождал, а к психиатру — за ручку ведёт. Нина Борисовна, а вы про психиатра тоже ничего не знаете? Странно. Ну, хоть про Славика вспомнили, и то хлеб. Такой верный поклонник, и никто его не замечает, удивительно. Думаю, в скором времени он должен был покончить с собой на месте гибели Таты. А то ведь мало ли что мог видеть...

— Послушайте, господин майор, что здесь происходит? — возмущённо проговорил Каменщиков.

— Вообще-то мы выясняем обстоятельства гибели вашей, между прочим, жены, — сурово ответил Никита Игоревич, даже нахмурился. Ох, как я его обожаю!

— И вы намекаете, что это я? Таточку?!

Ильин картинно повёл плечом:

— Собственно, про убийство тут ещё никто ничего не говорил. Что ж вы впереди паровоза бежите? Вас вроде не обвиняли... Пока неясно главное: как можно здорового трезвого человека

вытолкнуть из окна, и чтобы никаких следов? — он говорил так искренне, даже я почти поверила, хотя мы заранее обо всём договорились.

— Сейчас продемонстрирую... Да вот хоть на этом окне, оно почти такое же. Наташ, помогите, — я подняла голову, изображая приступ гордости.

Александр Викторович кинулся было на помощь, но Ильин, поймав мой предостерегающий взгляд, быстренько усадил безутешного вдовца на место.

— Нет уж, вы лучше посидите, окно и Наташа откроет.

Вдовец чуть зубами не закрипел. Нина Борисовна совсем съёжилась в своём уголке.

Рама и впрямь была непростая. Теперь уже я дёрнулась помочь и довольно сильно толкнула Наташу. Она поморщилась.

— Ох, извините, я медведь. А у вас рука ещё болит, да? Перевязать бы надо.

— Да само пройдёт, не беспокойтесь.

— Как же само, такое сильное воспаление...

Позвоночнику стало холодно, даже коленки ослабли. Пришлось вздохнуть поглубже — не хватало ещё, чтобы голос задрожал. Ну, давай, Рита, улыбнись и...

— Ржавчина попала, да? А на железке, что у стены дома валяется, следы крови. Полагаю, вашей. А может, и волокна с рубашки Таты сохранились... И голубиный пух на вашем ковре остался. Никакая это была не кошачья шерсть... Ильин!

Наташа вдруг побелела и начала валиться на меня. Коленки мои всё-таки подломились, скользкий подоконник куда-то поехал... Да не подоконник, дура, это ты поехала! Держись, идиотка!

В следующую секунду я поняла, что Наташи рядом уже нет и подоконника — тоже! А стою я на собственных ногах, и Ильин — солнышко, душка, сокровище моё! — придерживает меня за свитер. Наташа обморочно раскинулась на диванчике, а «ботанический» Костя внимательно её разглядывал, придерживая за вывернутую руку.

— Ну, основное я понял, — задумчиво произнёс Ильин, усадив меня в кресло подальше от энергичной секретарши. — Наташенька на Александра Викторовича свои виды имела...

— Вот-вот. А он как-то навстречу не шёл. Ну, она решила временно отступить, посадила в офис Таточку — для контраста.

Кто же на такую тихоню позарится? Наташа была абсолютно уверена, что Александр Викторович быстренько осознает «потерю» и по ней, такой восхитительной и несравненной, соскучится. Когда поняла, что ошиблась, уже было поздно — свадебные колокола гремели. Наташа разозлилась и решила всё же добиться своего. А для начала надо было от лучшей подруги избавиться, чтоб место освободить. Стала потихоньку слухи распускать, что у Таты в семье отнюдь не рай, что нервы у неё расшатаны. Ну, и совсем гениальная задумка — визит к психиатру. Если с Наташи египетский макияж смыть, явится самая обыкновенная славянская внешность. Рост и комплекция у них с Татой одинаковые, лица не то чтобы похожие, но одного типа. Ведь никто психиатру труп не стал бы предъявлять.

— Да там и нечего было предъявлять.

— Тем более. А на фотографиях одна за другую вполне могла сойти. У Александра Викторовича тоже внешность довольно типичная. Как профессор сказал, «такой современный бизнесмен, большой и бритоголовый». Правда, Александр Викторович лысый, а не бритый. Ну, лысого знакомого подходящей внешности Наташе не подвернулось, решила, сойдёт и бритый. Этот «муж» профессору лишь мельком показался. Он, скорее всего, и не знает ничего. Ну, попросила проводить, жалко, что ли?

— А почему ты решила, что у психиатра был другой человек?

— Во-первых, профессор всё время говорил об истероидном типе личности со склонностью к демонстрациям. Насколько я успела понять, на Тату это совсем не похоже. И, самое главное, он сказал — «бритый». А я сама видела, что у Александра Викторовича самая натуральная лысина. Позвонила Калинкину, уточнила — он ответил, что тот «супруг» был именно бритый, никакой ошибки. И ещё. Визит к психиатру нужен только для подтверждения Татиного расстройства. Если этот спектакль задумывал или режиссировал муж, почему он отрицает и нервы, и психиатра? Значит, не он. Значит, и сценарист, и режиссёр — кто-то другой. Слухи о Татиных проблемах в семье бродили только в конторе, ни муж, ни тётка, ни бабушка ничего об этом не знали, равно как и про психиатра. Так что и замысел, и исполнение — Наташины.

Заманить Тату в старую квартиру было несложно, тут ещё и визит в консультацию подвернулся. Тата действительно

ей звонила — поделиться своей радостью. Но о чём ещё они говорили, мы знаем только с Наташиных слов. Думаю, это она, а не Тата, настаивала на встрече.

Когда Тата пришла, Наташа уже притаилась на своём балконе. И декорацию подготовила. Боковую раму сняла, под перила арматуру длинную подсунула, чтобы, как только Тата из окна высунется, зацепить и дёрнуть. Если стоять на подоконнике на коленке, да ещё наклониться вперёд, позиция получается очень неустойчивая, так что огромных сил для смертельного рывка вовсе не нужно.

— Но с какой стати Тата должна была из окна высунуться?

— Наташенька заранее голубя поймала — это, знаешь ли, не проблема. Я же видела, как кот с ковром воевал. Запах чуял. Голубя она привязала к одному из цветочных ящиков на балконной решётке — вроде бы он в сухом стебле запутался и вырваться не может. Наверное, чем-то острым его колола, чтобы голос подавал. А может, ещё сначала Тате в окошко кухни палкой стукнула, чтобы внимание привлечь. Тата, разумеется, полезла несчастную птицу спасать, оперлась о подоконник, потянулась к ящику, Наташа моментально выдвинула железку, зацепила за рубашку и рванула. Тогда и руку поранила. Рычаг рычагом, но всё равно тяжело. После чего спокойно вернулась на работу — как будто из налоговой. Голубю шею свернула и выбросила, его, небось, собаки сразу слопали. Железку ночью с балкона скинула, на помойку побоялась нести — вдруг заметит кто? А так — валяется и валяется. Через неделю её охотники за металлом уволокли бы. Всё чистенько.

— Погодите, — вмешался Костя. — Но консьержка ведь Александра Викторовича видела. Обозналась?

— Ну уж нет. Никого она не видела. Она Наташина тётка и очень сердилась, что подлый буржуй её племянницу поматросил и бросил. Когда племянница попросила, она с удовольствием согласилась буржую нагадить. Вот и всё.

9

*Без женщин жить нельзя на свете, нет!
Без мужчин — тем более.*

Ипполита, царица амазонок

Уже вечером, у меня дома, за чаем, Ильин поинтересовался:

— Тётку-то, ну, Нину Борисовну, ты туда зачем приволокла? Ей и так несладко, а тут ещё нервотрёпка.

— Здрасьте! Чтоб было на кого стрелки переводить, чтоб Наташа совсем запуталась. А Нина Борисовна так хорошо нервничала и пугалась... Сынуля ей про «обезьянник» наверняка не сказал, вот она и думала бог знает что и готовилась чадушко грудью прикрыть. Очень даже убедительно получилось.

— Но зачем тебе вообще понадобился весь этот спектакль? Собрали бы следы, побеседовали с этим Славочкой и доказали бы всё в лучшем виде. Так нет, некоторым непременно нужно героиню изобразить...

— Брось, Никита, я просто блефовала. Сам подумай, ну какие следы, что там могло сохраниться? Зима, снег. В лучшем случае Наташкина кровь, а это не улика. Да, выкинула с балкона железку — нехорошо, конечно, но не криминал. Славочка тоже не свидетель. Сидел-то он наверняка у подъезда, с другой стороны дома. Мог разве что Наташу видеть, как она входила, да и то не факт, если она явилась раньше. И вообще, кроме Таты его никто не интересовал. К тому же Славочка, по-моему, не слишком вменяемый. Так что никто ничего не доказал бы. А тут Наташе соображать некогда было. Вроде на Каменщикова наезжают, хотя и довольно тупо, да ещё и Нина Борисовна тут, очень похоже, что это её на испуг берут. И вдруг... Нервы-то и не выдержали, решила ещё один несчастный случай устроить. Так что не придирайся, это был единственный способ её расколоть. ▣

Вячеслав Сюткин,
океанолог, 45 лет, г. Санкт-Петербург

Рождество

На востоке остался Таллин,
Грязной коркой на палубе лёд,
Навигаторы в полдень взяли
Сотни первые мин на учёт.
Рождество через три недели
Будут праздновать дома без нас,
И, прощаясь, поют метели,
В корабельных антеннах кружась...
В Бельгах Дании стало тише,
Задремал наш потрёпанный флаг,
Только песен твоих не слышно,
Море викингов, родина саг!
В Эльсиноре, где грезил Гамлет,
Дикий берег бетоном зарос,
Над русалкой на древнем камне
Сторожат истребители мост...
И уже Альбион с востока
Чуть заметен сквозь мокрый туман,
К югу синему путь далёкий
Развернул штормовой океан.
Но Атлантики тёплые ветры
Не прогонят разлуки печаль:
Рождество — праздник тайны светлой —
На чужбине придётся встречать.
И когда с колокольным звоном
В хрустале заискрится вино,
По волшебным когда законам
Припорошит метелью окно,
Поднимите за нас бокалы —
Не навечно мы в море ушли!
И улыбки бродяг усталых
Вам почудятся в снежной пыли...

Анна и Сергей Литвиновы

Королева пиара

*Ничего этого не было.
Реальные люди, равно как и персонажи романа, никакой ответственности за выдумки авторов не несут.*

1

■ ■ ■ И

я сразу понял, что всё-таки опоздал. В прихожей валялся нераспакованный чемодан, а в неловкой позе, лицом вниз, лежала женщина. Затылок её был весь в крови.

Посетительница была молодая и, как принято говорить сейчас, «борзая». И ещё она не сняла в помещении солнцезащитных очков. Подобные гражданки обычно держат себя, будто они не только мои услуги купили, но и целиком агентство, включая секретаршу Римку, сейф дореволюционных времён и картину на стене «Русская зима», подаренную мне художником Н. С., с которого я снял обвинение в педофилии.

Впрочем, часы «Радо» на красивой руке, серьги «Шопар» в очаровательных ушках и шарфик от «Эрме» на тонкой шейке наводили на мысль, что для молодой дамы покупка сыскного агентства была бы по карману. Поэтому её высокомерие, переходящее в наглость, мне следовало скрепя сердце потерпеть. Вдобавок, моя фирмочка

переживала очередной финансовый кризис — далеко не первый, но, как я оптимистично надеялся, последний.

Вероятная клиентка, правда, выглядела настолько юной, что у меня возникли опасения: есть ли у неё собственный счёт в банке, или, чтобы купить каждую банку колы, ей приходится обращаться к папику? Но в любом случае выслушать её стоило.

— Что привело вас ко мне, сударыня?

Вместо ответа она вытащила из сумочки прозрачный файл с одной бумажонкой внутри и бросила его передо мной на стол. Желаете разговаривать на языке жестов? Что ж, пожалуйста. Если меня бандиты олигарха Барсинского не испугали, то у тебя, девочка, и вовсе кишка тонка. Я усмехнулся и пробежал глазами листок. Это был договор между агентством «Павел» (в лице П. С. Синичкина, в дальнейшем называемого Исполнитель) и гражданкой Мишель Мониной (в дальнейшем Заказчик). Согласно ему, мне вменялось выполнить в интересах Заказчика расследование, при этом не разглашая никому никаких сведений, полученных мною как лично от Заказчика, так и в ходе расследования. В случае нарушения пункта о конфиденциальности я обязуюсь уплатить штрафные санкции в сумме, эквивалентной двадцати тысячам долларов (в рублях, по курсу ЦБ РФ на день оплаты). Зато при достижении результатов, удовлетворяющих Заказчика, я получаю те же двадцать тысяч долларов (в рублях по курсу).

Договор выглядел как и сама девушка — понтовым, непечённым и наглым. Впрочем, один пункт мне в соглашении понравился: сумма в двадцать тысяч долларов.

— Вы учитесь на юридическом? — спросил я.

— А какое это имеет значение?

— Или вы со всеми мужчинами начинаете знакомство с подписания договора?

Она вспыхнула и хотела было резко мне ответить, однако сдержалась. Вместо этого сняла очки, и я впервые увидел её глаза. Они оказались отнюдь не ледяными, а растерянными, и даже беззащитными, и о многом мне рассказали. Например, о том, что она балованная дочка состоятельных родителей, но человек, возможно, неплохой.

— Давайте начнём с другого. Кто вас ко мне прислал?

Она облизнула губы, поколебалась немного, однако решив, что данные сведения не нарушат конфиденциальности, сказала:

— Татьяна Садовникова.

— А-а, Татьяна! Сколько лет, сколько зим!.. Скажите, Мишель, вы ей доверяете?

— Да, — решительно ответила девушка.

— А она доверяет мне. Иначе Садовникова вас ко мне не прислала бы, верно? — моя будущая клиентка молчала, но молчание — знак согласия, поэтому я продолжил: — Давайте не будем разводить бодягу с договорами. И не потому, что я не люблю платить налоги — хотя я их действительно не люблю платить. Доверие ведь никакими договорами не предусмотреть, а недостаток доверия никакими дополнительными соглашениями не возместить. Словом, бумаг я подписывать не буду. У меня другое предложение: для начала вы расскажете мне, что вас волнует, а уж я решу, браться за дело или нет. Если да, мы пожмём друг другу руки, и я начну расследование.

Мой монолог, кажется, произвёл на девушку впечатление, и она сменила тон на гораздо более человеческий.

— Понимаете, если я расскажу вам всю историю, вы станете обладателем очень личной, очень конфиденциальной информации, которая, в случае огласки, серьёзно может повредить не только моей репутации, но и репутации всей моей семьи, и нарушить нашу... прайвеси... не знаю, как это по-русски.

— Вашу частную жизнь, — перевёл я. — Вы в Англии учились?

— Угадали.

— Значит, вы слышали, — с серьёзным видом произнёс я, — что частные детективы обычно дают перед началом своей деятельности нечто вроде клятвы Гиппократов. Там есть пункт о неразглашении сведений о больных, то есть, простите, клиентах.

Она поняла мой юмор и улыбнулась. Из неё потихоньку уходили надменность и задиристость. В целом молодёжь у нас хорошая, хотя временами их нужно как следует сечь. Для их же блага.

— Вы знаете, Павел Сергеевич, — начала она, — мой рассказ обещает быть долгим, однако я готова заплатить вам за то, что вы меня выслушаете, то есть за ваше время.

Я пожал плечами.

— Встречаются ещё в Москве бессребреники. Но я к их числу не принадлежу.

— О'кей. Насколько я знаю, минимальная ставка юриста, консультанта или психотерапевта — сто долларов в час. Я вам так и заплачу. Устраивает?

— Почему же мне — и по минимальной ставке? — с улыбкой спросил я. — Обижаете.

— Ну, вы же просто выслушаете меня, а не будете консультировать, защищать или утешать.

— Утешить я могу, — ответил я, двусмысленно взглянув на девуцу.

Мои слова её не покоробили, она даже не покраснела, а продолжала тем же деловым тоном:

— Нет уж, спасибо. Не нуждаюсь.

— Ладно, давайте вашу исповедь. Что-нибудь будете пить? Чай, кофе?

— Если можно, эспрессо.

— Римма! — гаркнул я. — Два двойных эспрессо, пор фавор!

Мы потихоньку устанавливали контакт с клиенткой и начинали, несмотря на вкрапления английского и испанского, говорить на одном языке. Мишель полезла в сумочку и вытащила оттуда пять стодолларовых бумажек. Сей жест мне понравился. При всём обаянии платиновых и золотых пластиковых карт, шуршание наличных долларов имеет для меня особенное очарование. Кроме того, небрежное обращение клиентки с валютой доказывало её платёжеспособность. Однако, несмотря на то что в моём нынешнем положении каждый «Франклин» на счету, от денег я небрежным жестом отказался.

— Гусары денег не берут.

Девушка только пожала плечами и так же небрежно спрятала купюры обратно в сумку.

Неся поднос с дымящимся кофе, в кабинет вошла Римма и расставила перед нами чашки.

— Пожалуйста, не соединяй меня ни с кем, — попросил я её.

— Хорошо, Пал Сергеич, — пропела моя помощница.

В случае необходимости она тоже умела кинуть понты.

— Даже не знаю, с чего начать... — проговорила Мишель.

— С начала, — подсказал я.

2

С тех пор как нашу коммуналку на Пушкинской расселили, я нечасто бывал в центре. Намеренно. Потому что каждый раз, как приезжал, расстраивался. Москва менялась, модифицировалась, трансформировалась — и теперь переродилась окончательно. Ничего общего с тем городом, где я жил и который хорошо помню, не осталось.

В магазине на углу Пушкинской со Столешниками, куда я бегал за пивом (порой в тапочках), расположился многотысячедолларовый бутик. В бывшем букинистическом, на пересечении Столешникова с Петровкой, поместился ещё один. Между ними — целый строй других бути-, блин, -ков.

Простые смертные туда не ходят. Нет, зайти, конечно, можно. Но продавцы и охранники встретят такими кислыми физиономиями, что даже толстокожий парень вроде меня почувствует себя неуютно. В советских «Берёзках» хотя бы чеки просили на входе предъявить. По-моему, так было бы честнее. «Господа, покажите свои платиновые карты, золотые не предлагать». Хотя, даже если бы у меня имелась золотая или платиновая кредитка, лёгкий газовый шарфик ценой в три штуки долларов, на мой взгляд, полный бред. Равно как и вьетнамки за тысячу евро.

Поесть простому человеку тоже негде. В кафе «Зелёный огонёк» теперь разместился банк с тщательно вымытыми ступенями. Вместо подвала, где я порой принимал жаждающими устами к «Жигулёвскому» из щербатой кружки, появилось кафе, в котором пенный напиток стоит триста рублей. Куда-то провалилось кафе-автомат напротив ЦУМа с очаровательными глазированными сырками. Исчез помешавшийся на углу с Кузнецким ларёк с жареными в масле пирожками — десять копеек штука. Да и сами пирожки тоже из Москвы, конечно, сгинули. Наверное, эмигрировали.

Города моего детства не стало.

Публика тоже разительно переменилась. На месте сумасшедшего Вовы, который последовательно обходил все учреждения в центре, теперь разгуливает блонда с пакетами от «Шанель» и «Луи Витона». На том самом углу на Петровке, где одноногий инвалид Василич вечно чинил свой «Запорожец», — стоянка, где красуются «порши», «бентли», «феррари».

Я не стану уверять, что очень уж сильно любил ту, прошлую Первопрестольную. Но она, не очень чистая, не слишком трезвая, затрапезная, дурно одетая и порой подванивающая, была близка мне и понятна. И ещё она была непритязательной, доброй и честной. И я, конечно, по ней временами скучаю — как скучают брошенные дети по непутёвой пьющей гулящей матери. Какая-никакая, она была мать. А нынешнюю столицу мне никак не удаётся полюбить. Лощёная надменная дамочка в фирменных шмотках и с вечно высокомерным и презрительным взглядом... Готовая в любой момент тебя, сына своего, предать и продать... Нет, такая особа даже на мачеху с трудом потянет.

На окраине, в тех же Вешняках, где у меня офис, или в близлежащих Выхино с Новогиреево мало что, по счастью, видоизменилось. Здесь Москва осталась Москвой. Всё так же, как двадцать лет назад, шевелят юными листьями деревья в Кусковском и Терлецком парках. Люди, торопясь на работу, штурмуют автобусы или вагоны метро, пробегают по магазинам в поисках майонеза подешевле. Изредка, как пришелец, выглянет из-за панельной девятиэтажки рекламный плакат, да проедет явно заблудившийся «мерседес»... Иногда я ловлю себя на мысли, что в Москве мне милее теперь не центральные переулочки, а панельные районы на старых окраинах.

Ладно, будет. Мне не идёт философия. Я человек действия. Мой язык — язык протокола. Существительное, глагол. Прилагательные — только в крайнем случае. «Я выхватил и выстрелил».

Итак, я уселся в кафе на бывшей любимой моей Пушкинской, неподалёку от моего бывшего дома. Место выбрала клиентка, сроду бы я не пошёл на нынешнюю Дмитровку. Не глядя в меню, сделал заказ: кофе и минералку. И сразу попросил счёт, чтобы работодательница ни в коем случае за меня не платила. Как и я — за неё.

Всю прошлую нашу встречу Мишель рассказывала об истории своей семьи, причём очень увлекательно. Я даже не задавался вопросом: враньё ли то, что мне втюхивают? Потому что слушать было интересно. К тому же девушка была хороша — стройная, холёная, прекрасно одетая, умная, язвительная, неприступная. А с такой красоткой и поболтать приятно.

Я сидел за столиком на улице и уже издали заметил Мишель. Она явно чувствовала себя в новой Москве, словно

рыба в воде. Плыла, возвышаясь над прохожими, — не физически, а мен-таль-но. Одета была в спортивный костюм, видать, где-то неподалёку занималась фитнесом. Могу себе представить, сколько здесь стоит клубная карта. Однако спортзальный наряд девушку явно не смущал, потому как майка наверняка от какого-нибудь Хреначчи, брючки от Кукараччи, туфли от Моветона. Моя бывшая, Катя, конечно, легко назвала бы фирмы, в которые девушка была разодета, а я не силён.

Мишель подошла ко мне, дежурно улыбнулась, поздоровалась и уселась напротив. Чёрт, я понял, что даже рад её видеть.

К ней тут же подскочил официант, и она повернулась ко мне:

— Вам что?

— Ничего.

Она заказала себе свежевыжатый морковный сок.

— Сливочек добавить?

— Ну, разумеется.

Когда официант отошёл, я спросил:

— Вы пять часов рассказывали мне историю своей семьи, но никакого задания не последовало. Почему? Я не психотерапевт, не адвокат, не консультант. Я частный сыщик. Поэтому вопрос: что вам от меня надо?

— Слушай, Синичкин, давай перейдём на «ты», — неожиданно предложила Мишель. — Ты не такой уж старый.

Я терпеть не могу, когда меня называют по фамилии. Но я усмехнулся и сказал:

— Давай, Монина.

— Мне от тебя нужно-о-о... — протянула клиентка. — А ты не догадываешься?

— У меня много достоинств, но телепатия в их число не входит.

— Жаль.

— Ну, извини.

— Ты знаешь, что такое пиар?

— Слышал чегой-то.

— Я певица. Певица Мишель. Слышал?

— Пока нет. А ты спой.

— Это тебе будет дорого стоить. Ну, ничего, скоро из всех утюгов страны услышишь. Мне дают деньги на раскрутку.

И на съёмку клипов, и на ротацию. Скоро обо мне все трещать будут, и не только в России!

— На мировой уровень нацелилась? Хит-парад «Билл-борда» и всё такое?

— Почему бы и нет?

— Тебе, наверное, телохранитель понадобится.

— Желаете предложить свои услуги? — прищурилась девушка.

— Да, я просто мечтаю хранить твоё тело.

Она помотала головой:

— Бизнес — отдельно, чувства — отдельно.

— Ради тебя готов даже отказаться от твоего заказа.

— Вот как? А может, наоборот, поработаешь на меня бесплатно?

Последнее предложение меня сразу отрезвило.

— Хочешь сэкономить? Расплатиться со мной любовью?

— А ты хам, Синичкин!

— Прости, Моница.

— Бог простит. Ладно, давай к делу. Я тебя, Синичкин, хочу нанять для расследования чисто конкретного преступления.

— То есть?

— Мою квартиру в Лучниковом переулке обокрали.

— Когда?

— Две недели назад. Я как раз ездила к друзьям на дачу.

— Что взяли?

— Ценности. Золото-бриллианты. Пару шуб. Дорогую аппаратуру...

— Во как! Что, супостаты взломали дверь?

— У них был ключ.

— Значит, кражу совершил кто-то из своих?

— Не факт. Понимаешь, Синичкин, — я опять передёрнулся, оттого что девушка называет меня по фамилии, — мы ведь с мамой и отчимом в той квартире с девяносто второго года не жили. Были за границей, а теперь вернулась только я. А до того в ней съёмщики проживали. И замки я после них не поменяла.

— Неразумно, — заметил я.

— Слушай, железные двери, а я только что из Европы...

А здесь ДЭЗы какие-то, слесаря пьяные... Разбираться с ними... Ну, я рукой махнула, а потом завертелась и забыла.

— А что за жильцы у вас были?
— Приличные люди, иностранцы. Бизнюк один французский с семьёй. Он и был единственным нашим квартирантом, а перед кризисом его на родину отозвали.

— Значит, вряд ли он вернулся в Москву и ограбил твою квартиру.

— Да, но кто знает, кто мог с его ключей слепок сделать!

— Оставим как одну из версий, — кивнул я.

— Ой, ты такой важный, Синичкин, прямо как комиссар полиции.

— Тебе это важно? Или тебя результат волнует?

Такие юные особы, как она, редко выдерживают прямой наезд и твёрдый взгляд. Вот и она пошла на попятную.

— Конечно-конечно, Пашенька, меня интересует только результат.

— Давай тогда лучше к делу.

— Знаешь, я не сомневаюсь, что грабителями были русские. Не французы какие-нибудь. Не этническая мафия. Наши.

— Почему ты так считаешь?

— Да у меня несколько икон есть — ну, обычных, не писаных, художественной ценности не представляют. Так вот, воры аккуратно сложили их в пакет и засунули в тумбочку.

— Богобоязненный русский народ, — хмыкнул я.

— Да уж! А ещё я вот что думаю: воры выносили из квартиры шубы, ноут, я уж не говорю про мелочёвку... Почему никто их даже не заметил?

— А кто тебе сказал, что не заметил?

— Следователь. Он сказал, что участковый по квартирам ходил, опрашивал, искал свидетелей. И ничего.

— А официальное следствие что-то нарыло?

— Они мне, конечно, не докладывают, но, мне кажется, следствие, как всегда, буксует.

— А почему ты следаку денег не предложила, а предпочла ко мне обратиться?

— Потому и предпочла, что совсем пусто у них, понимаешь? Да и мутный он какой-то, этот следователь.

— Но обычно по свидетельским показаниям квартирные кражи редко раскрываются (когда подготовленная, конечно, кража, а не наркоман сдуру полез). Что там свидетели расскажут?

Мужик в красной майке, бейсболка надвинута на глаза. Вот и всё. У вас, наверное, в Лучниковом переулке мало кто проживает. Ведь квартира в центре не крыша над головой, а инвестиция капитала.

— Да уж! Мне неоднократно звонили, сумасшедшие деньги предлагали.

— Мне тоже.

— А ты где живёшь? — сразу поинтересовалась она.

— Жил, — поправил я. — Я-то, в отличие от тебя, на уговорах поддался. А жил на Пушкинской, ныне Дмитровке, напротив генпрокуратуры.

Девушка посмотрела на меня с явным интересом.

— Жалеешь?

— Не без этого... Но вернёмся к теме дня. Ты сама кого-нибудь подозреваешь?

— Понимаешь... — девушка поколебалась, но потом всё-таки решила. — Не знаю, стоит ли говорить... В ментовке я не сказала... Короче, был у меня друг, довольно близкий...

— Любовник, — уточнил я.

— Бойфренд. Богатый. И даже очень. Он хотел быть моим продюсером. Точнее, моим всем. Это он и певицей мне стать предложил, и план моей раскрутки составил...

— А потом ты с ним рассталась?

— Да.

— И теперь у тебя имеется другой покровитель, ещё круче первого?

— Тебе всю мою личную жизнь рассказать? — прищурилась Мишель.

— Нет, только о тех людях, которые могли иметь отношение к преступлению. Или хотя бы к ключам.

— Слава богу, таких всего двое.

— Значит, думаешь, что тот, первый, решил тебя ограбить? Так сказать, в отместку за измену?

— Да.

— А что, есть какие-то улики? Именно против него? Или только домыслы?

— Понимаешь, Синичкин, он, этот первый, Ваню — очень религиозный человек. На самом деле Ваню — это просто ник, он никакой не грузин, а Иван Иванович Иванов. Трижды Ванька. И помнишь, я говорила об иконках, которые положили в пакет

и спрятали в тумбочку. Вот и суди сам. Все вещи в комнатах побросали, пошвыряли, а их — нет.

Я развёл руками.

— Истинно религиозный человек вряд ли станет грабить квартиру. Даже своей бывшей. Да и для богатого человека странное занятие — квартиры грабить. Насколько я знаю, они предпочитают грабить зрителей.

— Он мог нанять кого-нибудь.

— Ага, а искал исполнителей в воскресной школе, да?

— А ты, Синичкин, раньше в милиции служил, да?

— Напекаешь на мою тупость?

— Нет, на то, что ты версии с порога отмечаешь. Как будто работать не хочешь.

— Ваню твоего я проверю. Как и всех других перспективных фигурантов. Скажи, а кто-нибудь из твоих новых знакомых не мог позавидовать тебе и тому, как ты живёшь роскошно?

— На моего нынешнего намекаешь?

— Боже упаси! Хотя и про него тоже расскажи. Ты, кстати, уверена, что он тот, за кого себя выдаёт?

— То есть?

— Да бывали в Москве такие случаи: весь такой из себя продюсер, в «Бриони-Армани», на «мерседесе» рассекает, тысячами чаевые даёт. А потом выясняется: «Бриони» у друга одолжил, а «мерс» напрокат взял, чтоб на богатых москвичек охотиться. Ты ведь богатая?

— Мысль хорошая, — усмехнулась Мишель. — Что ж, прокачай его на всякий случай, будет даже забавно. Зовут моего нынешнего Егор Константинович Желдин.

— А кто ещё, кроме этих мужчин, под подозрением?

— Была приходящая домработница. Я её, кстати, после ограбления уволила. На всякий случай. Звать её Василиса Станиславовна. С Украины. Но она здесь, в Москве, с мужичонкой каким-то живёт. И вот эта Василиса мне больше всего не нравится. Для неё мои шубы и драгоценности — реально большие деньги. Для неё, а не для Ваню и Желдина.

— А ты её когда-нибудь в чём-то неблаговидном уличала?

— Нет. Она, мне кажется, даже моими духами не душилась.

Но — как это говорят русские? — и на старуху бывает проруха. Копила свою злость и зависть — и вот, пожалуйста...

- Василиса эта, наверно, на Украину вернулась?
- Да нет, она здесь, в Москве обретается.
- Телефон, адрес знаешь?
- Да. Пиши.

Она продиктовала, я записал и добавил:

— Интересно, драгоценности и шубы во многих других квартирах в Москве имеются, в том числе, я думаю, и в вашем доме. А ограбили именно тебя. Чем же ты лучше других ответственных квартиросъёмщиков? Скажи, а как насчёт членов семьи?

— Ну, есть прадедушка, Пётр Ильич. Бабушка скончалась три года назад. Ещё есть мама и мой отчим Евгений, но они не в Москве и не приезжали в Россию уже лет пятнадцать. Вот и всё.

— Минуточку! А твой родной отец? Его, кажется, звали Мишель?

— А-а, Миша! — презрительно скривила губы девушка. — Никто не знает, что с ним, и никто о нём давно ничего не слышал.

— Значит, ваш прадед, тот самый Васнецов, жив?

— Ещё как! Здоровый, крепкий, в речке купается, по десять километров в день проходит.

— Сколько же ему лет?

— Не так уж много — восемьдесят четыре.

— Н-да, совсем молодой человек.

— Вот именно! — вдруг воскликнула девушка. — Всё молодится. Нашёл время.

— Что ты имеешь в виду?

— Жена его, моя прабабушка Валентина Петровна, три года назад скончалась. И не такой уж старой была, всего семьдесят семь, но — рак. Ну, прадед годик погоревал, а потом вдруг завёл себе молодуху! Прикинь?! Живёт он вместе с ней на даче, души в ней не чаёт. Прискакала дамочка откуда-то из провинции, мымра, охмурила старика! Подумать только! На наследство его нацелилась! А он — как будто она его опоила — слушать нас не хочет, буквально в рот ей заглядывает.

— Но они не поженились?

— Нет. Думаю, пока нет. Кажется, нет... Пашенька, дорогой, а может, ты и её заодно проверишь? Пробьёшь, как у вас говорится, по своим каналам — вдруг она какая-нибудь мошенница?

— Конечно, — ухмыльнулся я, — если выяснится, что сожительница прадеда — воровка, ты будешь очень рада.

— Разумеется.

— Минуточку. Давай всё-таки уточним. Для чего ты меня нанимаешь? Расследовать ограбление? Или проверить своего любовника Желдина? Или приживалку твоего прадеда? Не слишком ли много заданий?

— Что тебя не устраивает?

— Просто хочу напомнить, что за любую работу надо платить.

— Ты же хотел стать моим личным телохранителем? Вот и охраняй. Все эти люди и коллизии могут угрожать моему благосостоянию и безопасности, не так ли? Пожалуйста, выставляй мне счёт — хочешь, по каждому виду работ отдельно. За автограф, за раскрытие ограбления, за васнецовскую полюбовницу... Я всё оплачу. Моя мамочка и отчим любят меня. А бабла у них хватает.

— Какая тема из предложенных для тебя самая важная?

— Все важны. Все.

— Тогда подойдём к делу комплексно. Дай-ка мне для начала адрес своего прадеда — Петра Ильича, кажется? И координаты той особы, что вдовца вашего охмурила: фамилия-имя-отчество, примерный возраст, откуда родом.

— Сейчас, Пашенька, — она вытащила из сумки коммуникатор. — Я, знаешь ли, к этой женщине в паспорт заглянула — бережёного, как говорится, бог бережёт.

— А что, от Васнецова большое наследство ожидается?

— По сравнению с капиталами моего отчима не такое уж, конечно, огромное, да всё равно жалко ведь терять. Квартира четырёхкомнатная на Кутузовском как тебе нравится? С видом на парк Победы?

— Мне нравится.

— Ещё бы! А дача, пара километров от МКАД? Дом, правда, старый и небольшой, зато участок — гектар.

— В общей сложности миллионов пять «зеленью», — заметил я.

— Если не семь-восемь, а то и все десять. В общем, есть за что этой Любе бороться. Вот тебе, кстати, данные на неё: Любовь Ивановна Толмачёва, родилась в Москве 30 ноября 1968 года... Значит, ей сорок два, — с сарказмом заметила девушка, — замечательно! Самое время старика охмурять, который

в два раза старше! Была замужем, теперь в разводе. Про мужа её бывшего зачитывать?

— А как же.

— Замуж вышла в девяносто первом. Муж — Толмачёв Н. П. Зарегистрирован брак Дворцом бракосочетаний города Самары. А развелись они скромненько, пятнадцать лет спустя... Итак, по-моему, это всё. Можешь, Синичкин, приступать. Вот тебе аванс и на расходы, — она вытащила из рюкзака кредитку и перебрала через стол мне. — На ней две тысячи евро. ПИН-код: 1331. Учти, я пользуюсь мобильным банком.

— Я не буду оплачивать билет до Акапулько. И тайский массаж тоже. Во всяком случае, прямо завтра.

Она оставила свой недопитый сок, бросила на стол пяти-сотрублёвую купюру и без улыбки скомандовала:

— Расплатись за меня и приступай.

Затем встала, натянуто улыбнулась мне и двинулась по улице: ледяная и недоступная.

Собеседник заснул быстро. Даже не понадобилось прибегать к запасному варианту — клофелину.

Он оставил мужчину прямо за столом, среди бутылок и закусок, и стал осматривать квартиру в поисках тайника.

Код 1331 на карточке MICHEL MONINA я применил тут же.

Клиентка не обманула. На счету имелось восемьдесят тысяч рублей. А после моего визита к банкомату их осталось семьдесят.

Я предчувствовал, что мне вот-вот понадобятся деньги. Это раньше я мог поставить своему старому другу Сане Перепёлкину пару пива, и он выдавал мне все тайны следствия. Но кто знает нынешних оперов и их аппетиты. Да ещё в центральном округе столицы.

Но начал я всё равно со звонка другу.

Саня Перепёлкин уже дослужился до подполковника и отдельного кабинета на Петровке, 38. Я нечасто обращаюсь к нему за помощью, однако сейчас был тот самый случай.

К счастью, Перепёлкин, несмотря на звание и должность, сохранял верность принципам товарищества. И, как я понял, в органах был уже в большом авторитете. Во всяком случае, всего за полчаса он не просто вывел меня на сотрудника, зани-

мавшегося делом о краже в Лучниковом переулке, а вдобавок сам позвонил оперу и рассказал о моём интересе. Поэтому старший лейтенант Георгий Лямин, когда я звякнул ему на мобильник, меня не только не послал, но согласился на встречу, и даже по срочному тарифу — через час.

Лямин оказался совсем молодым, но при этом чётким и резким. Правда, не хапугой. Во всяком случае, ни разу даже не намекнул о своём денежном интересе. Или сказывался авторитет подполковника Перепёлкина?

Другое дело, ничего особо нового для меня он не поведал. Да, на 99% кражу совершил кто-то из своих. Следак вроде разговаривал со всеми: и с бывшим любовником Мишель (господин Иванов, подсказал я), и с нынешним (продюсер Желдин), и с домработницей (Василиса Станиславовна). Однако никого следователь вроде не расколол. Самая перспективная версия, конечно, — украла или навела Василиса. Телефоны бывшей прислуги поставили на прослушку. Но вот уже прошло две недели, а слухачи не дали никаких результатов. Видеокамер на подъезде, где проживает пострадавшая, нет. Та, что находится в самом Лучниковом переулке, никого из фигурантов в тот вечер не зафиксировала. Впрочем, преступник мог подойти к подъезду с противоположной стороны.

Итак, дело получалось довольно тухлое. Оперативник это только подтвердил.

3

- Он сказал?
- Нет пока.
- Что же ты тянешь!
- Коленка, миленькой мой, родненький! Что ж ты так спешишь! Скажет он, скажет, рано или поздно, никуда не денется.
- Вот я и боюсь, что будет поздно.

Следующим утром я открыл своим ключом наш офис — пару смежных комнат в НИИ на аллее Первой Маёвки.

Я каждый день приходил сюда ровно в девять, оттого в последнее время стал чувствовать себя каким-то монстром,

мастодонтом. Павкой Корчагиным на узкоколейке. Откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Работать не очень-то хотелось. Общий климат, что ли, влияет? Или годы берут своё? Давно прошли те времена, когда я очертя голову бросался помогать Таньке Садовниковой, невзирая на то, что в ходе разысканий меня свободно могли убить или как минимум покалечить.

Теперь я не люблю пахать, не щадя себя, с утра и до утра. Деньги тоже не являются для меня особым стимулом. Во всяком случае, с тех пор, как меня бортанула моя любимая, Катька Калашникова — связалась с миллионером-макаронником. Обувного кутюрье выбрала, блин! Певца набоек, виртуоза колодок! С другой стороны, ушла и ушла. Баба с возу — кобыле легче. Когда рядом с тобой постоянная женщина, денег тебе никогда не будет хватать, какой бы скромницей она не казалась. А если ты одинок, много ли тебе надо? Пачка пельменей да бак бензина.

Правда, в моём случае имелся ещё офис, за который регулярно требовалось вносить арендную плату, и Римка, которой надо было ежемесячно платить жалованье. Но Римку устраивает её нынешнее положение: приходит на работу с полуторачасовым опозданием, заниматься на службе маникюром и мейк-апом, в Сети бесконечно сёрфить, — поэтому она и прибавки не требует, и о своём уходе разговоров не заводит.

Однако сколько бы накладных расходов моему агентству «Павел» не требовалось, деньги я всегда могу зашибить, не ввязываясь в сложные дела. Есть гораздо более приятные способы заработать, чем носиться, высунув язык, и расследовать квартирную кражу. Вот, например, одно из моих последних заданий: решила актриса Е. К. выйти замуж. Попросила меня установить, кто таков её избранник. Какова его подноготная? Ну, пробил я его по всем базам, детализацию звонков заказал, Римка в компьютер его залезла... В итоге доложили актрисуле: ничего криминального за парнем не числится, просто обычный альфонс, охотник за приданым. Е. К., между прочим, свадьбу всё равно с ним сыграла.

Или, к примеру, нефтяной магнат из Тюмени волнуется: как тут, в Москве, в Губкинском институте занимается его отпрыск — не связался ли с дурной компанией, не курит ли травку? Не нацелилась ли на него хищница-беспреданница?

Приятная непьющая работёнка. Последил за парнишкой недельку, поговорил с соседями и отписал в Сибирь папане: не волнуйтесь, нормальным парнем подрастает наследник, скоро сможете передать ему свою трубу. Счастливый заказчик радостно отсыпает мне пару-другую копеек.

А тут придётся лазить по крышам, пытаюсь раскрыть квартирную кражу, на которую даже милиция, похоже, рукой махнула...

Наконец-то явилась Римка. Прямо-таки подарок мне сделала — опоздала всего на час десять. Я попросил её сварить кофе.

— Ну ты и лентяй, Паша! Сам, что ли, не мог?

Потрясающий всё-таки у нас в стране персонал! Или это я свою единственную подчинённую так разбаловал?

— Разговор-р-р-чики! — прикрикнул я, и девушка сделала вид, что испугалась, бросилась к кофе-автомату.

А потом мы занялись с ней насущным — моей Мишель. Стали в четыре руки нарывать информацию в Интернете.

Поразительное количество сведений можно откопать в Сети — особенно сейчас, когда стали модными социальные сети, все эти «Одноклассники», «Контакты», «Фейсбуки», «Живые журналы». Все с ума посходили, словно соревнуются друг с другом, кто больше вывалит о себе личной информации: где живёт, с кем живёт, с кем дружит, как отдыхает, какие машина-квартира-дача, что за семья, дети, есть ли любовница, и прочее, прочее. Информация, ради которой раньше за объектом следили неделями, подкупали милиционеров и паспортисток, торчали в архивах, теперь лежит свободно, даром, на самом виду. Просто рай для воров, мошенников, шантажистов. Ну и для нас, частных сыщиков.

Трёх фигурантов я отдал Римке, трёх взял себе.

У своих компьютеров мы провели целый день. Потом решили сходить в пиццерию. Аванс, полученный от Мишель, жёг мне карман. К тому же после сытного ужина лучше воспринимается информация...

4

Пётр Ильич Васнецов проживал в дачном посёлке Щербаков-ка, в паре километров от Кольцевой. Едва я свернул с трассы,

как меня охватила сонная одурь. По обе стороны асфальтовой дороги за скромными заборами покачивали ветвями вековые сосны и полувековые тополя. Мамашки, выстроившись клином, не спеша катили коляски. Скользил одинокий велосипедист. Трое узбеков шли из магазина с авоськой, полной батонков. Успокоение, умиротворение, нега...

И здесь, в этом подмосковном раю, доживал свой век Пётр Ильич Васнецов, некогда секретарь ЦК КПСС. Как вчера мне рассказала Римка, Васнецов оказался единственным фигурантом нашего дела, о ком имелась персональная статья в «Википедии». Биография у мужика вышла достойная, чего там говорить! С семнадцати лет, приписав себе год, воевал: на фронте, на передовой. Тяжёлое ранение, два ордена, куча медалей. Победу встретил в Праге. Демобилизовался только в сорок девятом в звании капитана. Тогда же приехал в Москву (сам он из какого-то сельца под Ельцом) и поступил в МИМО. В пятьдесят первом женился на Валентине Петровне (прабабке моей Мишель). Познакомились они в Белокаменной, на студенческом вечере в честь Нового, пятидесятого, года. Жена по образованию историк, всю жизнь преподавала философию, доктор наук, и ещё за год до смерти читала лекции в университете. Стало быть, разделяла с супругом все тяготы и радости, а в их совместной жизни хватало и приников, и пышек, и синяков, и шишек.

С пятьдесят пятого года товарищ Васнецов числился на партийной работе, а в пятьдесят седьмом его послали в аспирантуру Колумбийского университета. А уже с пятьдесят девятого Пётр Ильич начал работать в аппарате ЦК КПСС, а с января шестьдесят седьмого года стал личным помощником первого секретаря Леонида Ильича Брежнева. Затем Васнецова в середине шестьдесят восьмого настигает опала — его назначили заместителем главного редактора журнала «Коммунар». Однако упрямый дядька снова сумел пробиться наверх, и в середине семидесятых его послали трудиться в представительство СССР при ООН в Нью-Йорке. Там он и познакомился с Горбачёвым, который сделал его официально секретарём ЦК, а неофициально — своей правой рукой. В девяносто первом Пётр Ильич ушёл в отставку. Какое-то время трудился в «Горбачёв-фонде», а с девяносто пятого — на полном покое. И, как мне говорила Мишель, живёт безвылазно на своей даче в Щербаковке.

Я не стал звонить ни бабушке, ни тем паче нацелившейся на его богатство приживалке. Вряд ли в восемьдесят четыре года Васнецов надолго покидает дачу. Да и гражданка — как её там? — Толмачёва, наверное, нечасто бросает своего суперпапика без присмотра. Если застану их врасплох, легче будет разглядеть нынешнюю суть каждого из этой парочки и смысл их взаимоотношений.

Машину я оставил на просторной немощёной боковой улице и пошёл разыскивать усадьбу Васнецовых. Она оказалась совсем рядом — улица Садовая, дом три. Бетонная плитка на въезде поросла травой. Ни новейшей видеокамеры, ни домофона — только кнопка звонка. Усадьба явно знавала лучшие времена и потихоньку приходила в запустение.

Позвонил. Никто не откликнулся, да и самого звонка я не услышал. Нажал на кнопку ещё раз. Никакого ответа. Ни голосов, ни хлопнувшей двери, ни шагов, ни «кто там?», ни лая собаки. Я подождал пару минут и перемахнул через забор. Волкодава на участке, похоже, не имелось — а что со мною смогут сделать старик и женщина? Максимум — вызвать милицию. Ну а с коллегами, пусть и бывшими, я уж как-нибудь договорюсь.

Я мягко приземлился на подушку старых листьев. Их здесь, по-моему, сроду не убирали. Участок весь зарос лесом, и сквозь заросли даже дома не было видно. Я стал потихоньку пробираться сквозь колючки к усадьбе. Конечно, лет тридцать назад, в советские времена, она могла поразить воображение: два этажа, две огромных застеклённых террасы, просторный балкон... Однако теперь, в сравнении с современными особняками, жилище бывшего секретаря ЦК выглядело скромнейшей избушкой. Я зашагал было к дому, но вдруг увидел, как на меня огромными прыжками налетает настоящее чудовище — восточноевропейская овчарка. Я заметил валявшийся у моих ног тяжёлый сук и наклонился к нему, но подобрать уже не успел. Единственное, что смог, — прикрыл одной рукой голову, а другой — горло. Пёс налетел и врезался в меня головой и всем телом. Его вес, помноженный на скорость, оказался изрядным. Я почувствовал сильнейший удар и упал на землю. А собака нависла своей мордой прямо над моим лицом и, скалясь, угрожающе зарычала.

— Фу, Зара! — услышал я женский голос. — Не брать! Сторожить!

Рычание прекратилось, но псина в полной боевой готовности уселась со мной рядом, не спуская с меня своих жёлтых глаз. Чувствуя себя полным идиотом и стараясь шевелиться очень плавно, я сел на землю.

— Ты кто? — спросила меня подошедшая женщина. Очевидно, это была та самая Любовь Толмачёва: на вид лет сорока, славянского типа, плотного телосложения.

— Я к Петру Ильичу.

— Я другой вопрос задала, не понял, что ли? Не куда ты, а кто ты?

— Меня зовут Павел Синичкин, — покорно начал я, по-прежнему сидя на траве у её ног. — Я частный детектив, — полез во внутренний карман куртки, вытащил свой паспорт и лицензию и протянул их женщине. Пока она рассматривала документы, я продолжал: — Меня наняла Мишель, правнучка Васнецова, по поводу ограбления в её квартире.

— И поэтому ты решил забраться к нам на участок?

— Я звонил, никто не отвечал, а калитка оказалась открытой, — соврал я. — Вот и вошёл. Скажите вашей собачке, чтобы она позволила мне встать.

Я начал приподниматься, псина опять угрожающе зарычала, но женщина бросила ей «фу!», и та снова уселась на задние лапы.

— Ну вот, запачкал брюки, теперь придётся сдавать в химчистку, я, знаете ли, не женат, мне стирать-гладить некому, приходится всё самому... — я отряхивался и болтал всякую чушь, только бы успокоить женщину.

— Забирайте, — она возвратила мне документы и, с интересом посмотрев на меня, заметила: — Первый раз в жизни вижу частного сыщика.

— Да, я такой. Как видите, похож на Шерлока Холмса, Эркюля Пуаро и Ниро Вульфа одновременно.

— Ну да, особенно на Ниро Вульфа, — рассмеялась женщина.

Приятно иметь дело с человеком, читавшим Рекса Стаута. Да и вообще, охотница за приданным выглядела, надо признать, неплохо. Весёлые голубые глаза, тонкие черты лица, чувственные губы, красивые плечи и руки.

— А вас зовут..?

— Люба, — ответила хозяйка. — Любовь Толмачёва. Вам Мишель разве обо мне не говорила?

- Говорила.
- И что же, интересно?
- Что вы её новая прабабушка.
- И только?
- Ну, правнучка не слишком довольна вашей разницей в возрасте с женихом.
- А кто сказал, что мы женимся?
- Мишель считает, что дело идёт к тому.
- Она ошибается... Ладно, пойдёмте, вы ведь с Петром Ильичом хотели поговорить.

В то же самое время моя помощница Римка искала подходы к бывшему любовнику Мишель Ивану Ивановичу Иванову, по кличке Ваню. Ещё вчера, сидя в офисе, она обнаружила, что Ваню, невзирая на свой высокий социальный статус, является постоянным посетителем социальной сети «Альбомы.ру». Судя по количеству гостей, друзей и частоте посещений своей странички, товарищ в компьютерном сообществе являлся человеком популярным. У Римки тоже имелись профили во всех мало-мальски значимых сетях — меня она уверяла, что исключительно для работы, но я неоднократно замечал, как увлечённо она переписывается с различными молодчиками, явно не проходившими у нас ни по какому делу.

Одним словом, Римка зашла вечером на страницу Ивана Ивановича Иванова, поставила ему пятёрку за его фотографию и напоследок загадочно написала:

«Жаль, что нас прервали. Мне было очень интересно».

Сегодня утром заинтригованный Ваню ответил ей:

«Где нас прервали? В чём? Кто вы?»

Итак, мужик клюнул. А дальше между ними начался неприкрытый виртуальный флирт.

«Я думала, ты помнишь меня »

«Ты меня ни с кем не путаешь?»

«Ты жаловался мне на свою любовницу. Кажется, её звали Мишель».

Мужчина замолчал часа на полтора, наконец написал:

«Ты что, приезжала ко мне домой?»

«Нет, это было не у тебя, а совсем в другом месте. А теперь, кстати, я узнала про Мишель кое-что интересенькое».

«Меня она совсем не интересует».

«Новость и тебя касается, но это не интернетный разговор».

«У меня не много времени, чтобы лично встретаться».

Римма вроде обиженно замолчала. Она чувствовала, что Ваню заинтригован и обязательно ещё проявит себя. И точно. Вскоре пришло сообщение:

«Приезжай завтра в два ко мне в офис».

«Извини, не получится».

«Тогда, может, в девять вечера у меня дома?»

«Нет».

«Встретимся завтра в три часа в «Доме отбивных» на Тверской».

«ОК».

А мы с госпожой Толмачёвой подошли к дачному дому старого коммуниста Васнецова. Собака Зара спокойно трусила рядом с хозяйкой.

— Не приглашаю вас в дом, там очень жарко. Лучше позову Петра Ильича сюда.

— Пойдите, с вами я тоже хотел побеседовать.

— Вы уже беседуете.

— Что вы думаете об ограблении Мишель?

— Её обокрали, — ухмыльнулась Люба и с нагловатым вызовом посмотрела на меня.

— Как вы думаете, кто?

— Думаю, те же личности, что грабят сотни квартир в столице.

— А вы когда-нибудь бывали у Мишель дома?

— Да, пару раз. С год назад. Меня приглашал с собой Пётр Ильич. Что-то ему надо было оттуда забрать — для своих мемуаров.

— У него были ключи от квартиры Мишель?

— Да, на всякий случай. Все знают, какая она растеряша.

— Скажите, — перевёл я разговор на другую тему, — у вас много знакомых в Москве?

— Да что уж вы обиняками всё говорите! — воскликнула женщина. — Прямо спросите, не наводчица ли я.

— Хорошо. Вы наводчица?

— Нет. Сами посудите — зачем? С Мишель, которая меня тихо ненавидит, и без того проблем хватает. Чтоб ещё её квартиру грабить и вылететь отсюда, как пробка?

— Это зависит от того, какие у вас цели, — вкрадчиво начал я. — А может, вы всех тут обворовать хотите — сначала Мишель, потом её прадеда?..

— Вы, наверное, понимаете, — мягко проговорила Толмачёва, — что мне не нужна пара чьих-то старых шуб. Если я просто останусь с Петром Ильичом, в итоге получу гораздо больше. Много больше.

И в этот момент я почувствовал неладное. Угроза исходила откуда-то сверху. Подняв глаза, я увидел на балконе высокого прямого худого старика, внимательно прислушивавшегося к нашему диалогу.

Женщина тоже взглянула наверх и улыбнулась:

- И снова здравствуйте, Пётр Ильич.
- Руки вверх! — дурашливым голосом крикнул он.
- Это друг Мишель. Частный детектив. Пришёл поговорить с нами.
- А почему он без звонка? — спросил с балкона Васнецов.
- А потому, что наш гость — невежа.
- Я сейчас спущусь, не уходите, — торопливо проговорил старик и исчез.

Когда он появился передо мной, я сразу понял, что этот человек, несмотря на возраст, способен дать фору многим молодым. Мне понравилась его выправка — ни грамма лишнего жира! Глаза из-под кустистых бровей сверкали умно и молодо. Белая рубашка старомодного покроя оказалась чистойшей, на брюках — идеальная стрелка.

А в глазах Любы неожиданно появилось столько теплоты, что я изумился. Вот это да! Разве можно всерьёз влюбиться в 84-летнего старика?!

Толмачёва представила меня:

- Частный сыщик Павел Синичкин.
- С чем пожаловал? — Васнецов обратился с вопросом не ко мне, а к ней, словно меня рядом и не было.
- Говорит, что расследует ограбление квартиры Мишель.
- Она наняла частного детектива! Прелестно! Частные врачи, учителя, милиционеры. У чиновников — у всех! — тоже

свой частный, так сказать, бизнес. Господа демократы приватизировали всё, включая воду, воздух, честь и совесть. Но с чего вдруг вы явились ко мне? — наконец-то старик решил меня заметить.

— Он, скорее, ко мне явился, — опередила меня женщина. — Проверить, не аферистка ли я, не наводчица ли...

— Ничего подобного! — перебил её я. — Я как раз с вами, Пётр Ильич, хотел поговорить.

— Ну, что ж, — пожевал губами старик. — Пойдём потолкуем.

— Пётр Ильич, у вас сейчас по режиму дня прогулка, — настойчиво проговорила Толмачёва.

— Вот я и приглашаю молодого человека прогуляться вместе со мной.

Обедаем, как всегда, в пятнадцать ноль-ноль, — и Васнецов бодро двинулся к калитке.

В ходе нашей двухчасовой прогулки мне довелось сделать небольшое наблюдение. А именно: когда мы уже повернули на улочку, ведущую к даче товарища Васнецова, навстречу нам выехал «Ниссан-Микро». Подобных машин и в столице-то не много, а уж в посёлке Щербаковка это и вовсе редкая птица.

За рулём сидел мужчина. Однако не только автомобиль сам по себе привлек моё внимание. У него были самарские номера.

В то же самое время моя помощница Римка подходила к «Дому отбивных» на Тверской. Иван Иванов занял позицию под балдахином во внутреннем двореке, лицом к входу. Он был обладателем столь интересной, запоминающейся внешности, что Римка его, конечно, сразу узнала. Она не особо погрешила против истины, поставив ему пятёрку за фотографию.

Однако ни на Римкину внешность, ни на её скрыто-эротичное платье он не повёлся. А жаль. Когда мужик теряет голову от страсти, он начинает нести много лишнего и в итоге часто проговаривается.

— Садитесь, — сухо бросил мужик. Он был в рубашке от «Валентино» и хлебал окрошку. Странное сочетание. К «Валентино» больше бы подошло фуа-гра, а к окрошке — косоворотка. — Что-нибудь закажете?

— Кофе и сельтерскую.

— Официант! — властно скомандовал он. — Для девушки двойной эспрессо (он так и сказал — ЭКспрессо) и сельтерскую.

— Сельтерской нет, — чуть ли не обиделся официант.
— Это плохо. Тогда несите, что попроще. Перье, например.
Когда эспрессо и перье стояли уже на столе, Иванов вдруг заговорил:

— Вы, Римма, работаете в частном детективном агентстве. И что вы от меня хотите? Только не надо мне парить мозг рассказами, что вас пленила моя неземная красота.

— Почему же нет! — кокетливо улыбнулась Римка, выигрывая время, чтоб собраться с мыслями. — В самом деле пленила. Вы жёсткий, умный, харизматичный. Считаете, раз я в детективном агентстве работаю, значит на мужчин совсем не смотрю?

— Если мы будем слегка откровеннее, то сэкономим друг другу кучу времени. Итак, кто вас нанял?

— Мы не раскрываем имён своих клиентов.

— Значит, Мишель, — убеждённо кивнул господин Вано. — Чего она хочет? Добраться до моих капиталов? До моего бизнеса? Или подставить меня?

— Представления не имею, о чём вы говорите. А почему вы, кстати, сразу про Мишель вспомнили?

— Вы первая, ещё в Сети начали.

— А может, на воре шапка горит?

— Что-о-о?!

— Мишель хочет понять, кто её ограбил. Уж не вы ли, Иван Иванович?

— Ограбили? — довольно натурально удивился Иванов. — Правда, что ли? Квартиру обчистили? Дачу?

— Квартиру. У вас есть какие-нибудь подозрения, кто мог обокрасть Мишель?

— Любой.

— Н-да? А кто мог стать наводчиком или наводчицей?

— А зачем нужен наводчик, чтобы ограбить пятикомнатную квартиру на Чистых прудах?

— Дверь была не взломана, а открыта ключом.

— Ах, вот как!

— Может, вы всё-таки подозреваете кого-то? Толмачёву, например?

— А это кто?

— Особа, которая живёт с дедом Васнецовым.

— Я её и не видел ни разу.
— Может, Василиса Станиславовна не внушает вам доверия?
— А это что за зверь?
— Вы должны бы знать — приходящая уборщица.
— Да, была какая-то... Откуда я знаю, что у неё на уме...
— Может, Желдин?
— Её нынешний? Знаете, если б я ещё питал к Мишель хоть какие-то чувства, я бы, конечно, сказал: наверняка, на сто процентов он замешан! Пусть бы вы его помуржили, потягали, в ментовку сдали. Но так как я теперь к этой овце абсолютно равнодушен, не буду брать грех на душу. Скажу только, что представления не имею, что у гражданина Желдина на уме. Мог он обокрасть свою девчонку? Наверно, да. Времена нынче такие, что все способны на всё.

...О разговоре с Ваном Римма доложила мне вечером. Мы специально встретились у Сретенских Ворот, потом я повёз её к дому, на Академическую.

Когда моя помощница со всеми подробностями пересказала, о чём они с Ваном беседовали, я спросил:

— А какое у тебя сложилось общее впечатление? Он чист?
— По нашему делу — да. Подозреваемые так себя не ведут. Я его «прокачивала», однако мимика, жесты, интонации — всё чисто. Тем не менее кое в чём Ванов врёт. Мишель он ещё из своего сердца не выкинул.

— Это потому, что ты веришь в вечную любовь, — подколол я Римку.

— В вечную — нет, — спокойно парировала она. — Просто в любовь — да. И если согласиться с гипотезой, что она, любовь, существует, вряд ли Иванов станет делать девушке гадости. Натура у него не подлая. Он не грабил.

— Хорошо нам, частным сыщикам, а? В отличие от следов, которым всё доказывать надо. Покажется, что в человеке жива любовь, — мы его из подозреваемых вычёркиваем.

Рыжекудрая красотка пожала плечами:

— Говорю тебе, Иванова вычёркивай.

Проводив Римку, я медленно ехал по вечерним московским улицам и размышлял. Перед моим внутренним взором маячила Мишель: красивая, уверенная в себе, богатая. Однако пока у меня не имелось даже малейшего повода для того, чтобы

встретиться или хотя бы позвонить ей. Я надеялся, что после моего завтрашнего дельца предлог появится. Потому как пришла мне в голову одна идеяка...

На следующий день я занял наблюдательный пост в Щербакровке. С местом слежки и легендой прикрытия, конечно, были кое-какие трудности. Представьте: длинная дачная улица, по которой проходит три машины в час. С одной стороны улочки на целый квартал растянулся забор Васнецова. С другой — аналогичный, только кирпичный. За ним, за деревьями, угадывались очертания понтовейшего особняка. Если я оставляю свою машину на обочине, двигатель придётся держать включённым — без кондиционера не обойдёшься. Однако авто с работающим двигателем и тонированными стёклами уже минут через пятнадцать привлечёт к себе живейшее внимание.

Поэтому мне пришлось выбрать театр — маскарад.

Ещё во время предыдущего визита к «партайгеноссе» я заметил неподалёку от его дома недорытую канаву, на дне которой торчала пара асбестоцементных труб. Края траншеи уже стали осыпаться, из чего я сделал вывод, что разрытой землёй давно никто не интересуется. А раз так — мала вероятность, что о ней вспомнят именно сейчас. Я мирно припарковал свой автомобиль на прежнем месте, на боковой улочке. Переоделся в соответствии с коллекцией «гастарбайтер, сезон весна-лето»: на торс — сигнальный жилет, на ноги — резиновые шлёпки. Прихватил с собой и лопату. В полиэтиленовый пакет положил воду, завтрак и ещё кое-что. Затем отправился в сторону канавы, воткнул в грунт лопату и сел рядом на картонку, свесив ноги в траншею.

Рабочий, мирно сидящий на своём объекте, — что может быть более привычно глазу русского человека! Рабочий, который трудится, — картина настораживающая (если только это не таджик). А тот, кто перекуривает, явно вне подозрений.

Калитка бывшего секретаря ЦК виделась из моего укрытия отлично. Однако никакого шевеления за забором не происходило — ровно до тринадцати ноль-ноль, когда вышел собственной персоной Пётр Ильич Васнецов. Режим дня он, похоже, соблюдал неукоснительно. Постоял у калитки и удалился — возможно, ровно по тому же маршруту, каким вчера с ним гулял я.

А в тринадцать пятнадцать на улице появился давешний «Ниссан-Микро» с самарскими номерами. За рулём его маячил тот же мужчина. Ничего не боясь, он остановился прямо у калитки Васнецова, и я достал из пакетика фотоаппарат с длиннофокусным объективом.

Мужчина вышел из машины и начал слоняться вокруг неё. Явно чего-то ждал. А через пару минут из калитки выпорхнула весёлая будущая вдова! Они крепко поцеловались (я поставил затвор на «серию» и снимал, снимал), затем он галантно открыл перед ней переднюю дверцу, уселся за руль и дёрнул с места.

Я немедленно бросился к своей «ласточке», завёл её и устремился в погоню. К счастью, по кочкам и колдобинам посёлка «микро» не смог далеко от меня удрать. Я не терял с ним визуального контакта, но опасливо двигался в изрядном отдалении. Преследуемые выбрались на шоссе, но буквально через пару километров снова свернули на просёлочную дорогу.

Там уж начались совершеннейшие колдобины, к тому же пришлось выпустить машину из зоны видимости, чтобы не засветиться. Я остановился, прямо в машине переоделся из строительного в цивильное и решил дальше следовать пешком. Вряд ли по столь изрытой дороге крошка «ниссан» смог оторваться от меня слишком далеко. И верно: примерно в полукилометре от трассы я заметил сквозь деревья кузов автомобиля и подкрался поближе. Эти двое в «микро» страстно целовались. Не знаю, что до неё, а для него окружающий мир в тот момент явно перестал существовать. Почти не таясь, я выпустил «серию» из своего «Кэнона» и взглянул на дисплей. Не знаю, как с точки зрения искусства фотографии, но с позиции сыска я остался полностью удовлетворён. Лицо Толмачёвой вышло очень узнаваемо. И любой человек сразу поймёт, чем они занимаются.

Я оставил влюблённых тешиться дальше — съёмка порно меня не интересовала — и, вернувшись к своей тачке, поехал в сторону Москвы. Все мои мысли были о старике Васнецове. «Да! — думал я. — Вот что бывает, когда кадришься к женщине в два раза моложе себя! Мужик от фашистской пули уберётся и от гнева Брежнева спасся, а теперь ему какая-то провинциальная шлюшка наставляет рога! Всё-таки к старости человек теряет критическое восприятие мира — не дай мне бог стать таким».

Однако у любой тучки, как говорят американцы, имеется своя светлая изнанка. Конечно, старика жалко, однако он ведь сам виноват, согласитесь?

Зато мне теперь есть что сказать и показать моей заказчице Мишель. Не говоря уж о том, что я своей немудреной слезкой и деньжат заработал. Значит, надо звонить девушке, назначать встречу и докладывать...

5

Для того чтобы выманить девушку на свидание, её надо прежде всего заинтриговать.

— У меня есть для тебя кое-что интересненькое, — сказал я в трубку.

— Интересненькое? Типа чего? — откликнулась Мишель.

— Типа информации.

— По какому поводу?

— По поводу твоего расследования.

— А конкретней?

— Не телефонный разговор.

— Ты что, — хмыкнула Мишель, — думаешь, что нас подслушивают?

— Всё бывает. К тому же моя инфа визуальная.

— Ну, ладно, сейчас посмотрю своё расписание. Сегодня вечером тебя устроит? В десять в кафе в Лучниковом переулке?

— О'кей. Наличные захвати.

— Я догадалась. Сколько?

— Пять.

— Чего?

— Штук грина.

— Не крутовато ли за пару дней работы?

— У меня учёт не в сутках, а в рублях.

— Что ты имеешь в виду?

— Я на сдельной работе. Ты платишь не за то, сколько усилий я потратил, а за результат.

— Ладно, посмотрим, какие там у тебя результаты.

...А в то же самое время моя подельница Римка штурмовала нынешнего сожителя Мишель гражданина Желдина.

Он с огромным скрипом согласился с ней встретиться: «Зачем я вам нужен, спрашивается?! И что, вам срочно? А что вы хотите узнать? Ну, ладно, приезжайте на «Мосфильм», там для меня сейчас клип снимают...» Потом Римма очень долго прождала в проходной киностудии, пока ей принесут пропуск и проводят к павильону.

На входе трое в серебристых скафандрах, расстёгнутых до пупа, курили, обливаясь потом.

- Ты кто, массовка? — спросил один из них мою помощницу.
- Нет, я к Желдину.
- А это кто?

Второй ответил за неё:

— Продюсер нашего красавца, — и все заржали. — Идите, девушка, он где-то там.

Дивясь количеству камер, спотыкаясь о провода, Римма пробралась к центру площадки. Задник, изготовленный из крашенной в серебро фанеры, изображал внутренности космической ракеты с овальными иллюминаторами — точь-в-точь как в клипе Майкла Джексона. Рядом беседовали трое, и по их величественным позам и небрежным жестам Римма догадалась, что они главные на этом празднике жизни. Одного из мужчин девушка узнала: то был изученный ею предварительно в Интернете продюсер Желдин. Рядом с ним в расстёгнутом скафандре расположился другой небезызвестный товарищ, вертлявый певец Б. Третий был ей неизвестен. «Наверно, режиссёр», — подумала Римма — и, как впоследствии выяснилось, не ошиблась.

Девушка представилась, и троица с явным неудовольствием оглядела её.

— Ах, да, — вспомнил наконец продюсер и крепко вцепился в Римкин локоть: — Пошли!

Они вышли из павильона на улицу, он усадил её в свою машину и включил кондиционер.

— Здесь нам никто не помешает. Ну, что тебе надо?

Римма начала объяснять: Мишель, ограбление, частный детектив...

- Знаю, знаю! — прервал её продюсер. — Я-то тут при чём?
- У вас имеются ключи от квартиры Мишель?
- Ну, разумеется. А как иначе?
- Может, вы их кому-нибудь давали?

— Я? Да как вы могли подумать! — вдруг вспыхнул Желдин. — Зачем мне это надо? Как вы себе это представляете?

— Я просто спросила.

— А я просто ответил: нет, не давал, ныне, и присно, и во веки веков.

— Может, оставляли их без присмотра?

— Как это? Ключи что, собачка, что ли? С присмотром, без присмотра! Вот они, у меня, — продюсер достал из кармана белоснежных джинсов кожаную ключницу от «Ферре» и потряс ею перед носом у Римки. — Или вы намекаете, что они могли выпасть? — он закипал всё сильнее.

— Ну что вы! — девушка была сама кротость. — Ни на что я не намекаю, просто расследую кражу. Может, вы сами кого-то подозреваете?

— Кого, о господи?! Я не вращаюсь, знаете ли, в кругах домошников! У меня несколько другие сферы.

— А ключей тех самых, — кивнула Римка на ключницу, — вы не теряли?

— Опять двадцать пять! Ничего. Я. Нигде. Не терял! Ясно? Значит, вот каких детективов наняла Мишель.. Ну и ну! Впрочем, она тратит собственные деньги. Н-да. Лучше на паперти их раздавала бы!

Итоги дня мы обсудили с Римкой в нашем офисе и пришли к выводу, что Желдин врал, и его вполне можно включить в список подозреваемых. А вечером я отправился на Чистые пруды на свидание с Мишель.

Она уже ждала меня, задумчиво попивая «мохито». В кафе было холодно и сумрачно. Девушка оторвалась от своего коктейля и, томно улыбнувшись мне, спросила:

— Что-нибудь выпьешь? Я угощаю.

— Нет, спасибо, я на машине.

— Да брось, Синичкин! Никогда я не поверю, что у тебя нет заветного удостоверения какого-нибудь внештатного сотрудника милиции. Ну, как хочешь... Показывай!

— Что?

— Не серди меня, Синичкин, ты же говорил, что у тебя имеется визуальная информация. Вот и показывай её.

Сначала я достал из конверта и положил на стол перед Мишель самую невинную карточку: она изображала госпожу

Толмачёву, выходящую из калитки дедушкиного дома. Следующий кадр уже содержал компромат: сожительница Васнецова проскальзывала в кабину «микро», за рулём которого сидел мужчина. И наконец последовало третье изображение, полупорнографическое: пассажиры авто в страстных объятиях, причём голова мужчины утонула где-то в складках юбки женщины, а она запрокинула голову и уперлась каблучками в торпеду.

Мишель выдохнула — как мне показалось, с облегчением, — а затем разразилась отборной бранью.

— Мерзавец! Сволочь! Гадёныш! Старый маразматик! Придурок!

Я с удивлением понял, что проклятия адресованы не коварной изменщице, а прадеду, и запротестовал:

— Позволь, это она его обманывает, почему же он сволочь?

— Думать надо было, что делаешь в восемьдесят четыре года! Совсем из ума выжил! Последних мозгов лишился! А если они с этой проституткой уже поженились? Надо срочно остановить этот бардак! Срочно!

— Теперь всё в твоих руках. Фотографии принадлежат тебе.

— Мы должны поехать к нему вместе, — схватила меня за руку Мишель.

— На это я не подписывался!

— Нет, подписывался!

— Кончай базар, Мишель, — устало поморщился я.

— Ладно, я заплачу тебе половину, а вторую половину — завтра, после того как мы съездим к прадеду. Пашенька, ну, пожалуйста, я не могу с ним одна, лицом к лицу, я и так его боюсь, а тут ещё такое известие! Да он меня сожрёт! Или с инфарктом грохнется, что я буду тогда делать? Потом, эта его особа всё время рядом с ним, ни на шаг не отпускает! Она ведь мне глаза выцарапает! Пашенька, я правда нуждаюсь в защите! В твоей защите.

— Ладно, посмотрим.

— Нет, не посмотрим! Я прошу тебя! Поедем, Пашенька, со мной завтра. А сейчас зови официанта. Ты должен меня проводить.

Счёт у меня девушка вырвала из рук, однако я успел заметить, что там значилось даже не три, а целых пять «Мохито» плюс один «Лонг-Айленд». Она ещё хорошо держалась для такого количества выпитого спиртного. Зато опьянение давало ей право

повиснуть на моей руке и попросить проводить её не до подъезда, а до самой квартиры.

Жильё Мишель оказалось совсем рядом — только Лучников переулочек перейти. Пятикомнатная квартира в старом фонде, которую когда-то получил знаменитый хоккеист Валерий Монин и где жил с Наташей Мониной (Васнецовой). А теперь здесь проживала всячески демонстрирующая своё благополучие Мишель, их внучка, притом что счастливой она отнюдь не выглядела.

Мишель не дала мне времени даже осмотреться — впи-лась в губы требовательным, жёстким поцелуем. Я сразу понял: нет, я ошибся. Нет, не то. Однако неудобно убегать от девушки, которая тебя пригласила.

Я только спросил:

— А где твой жених? Товарищ Желдин?

— Не бойся, его сегодня не будет, — хрипло рассмеялась она и потащила меня в спальню...

Когда всё кончилось, я встал и начал собирать свою разбро-санную по полу одежду. Мишель лежала на животе, уткнувшись лицом в подушку, вытянувшись во весь рост.

— Да-да, — сказала она, не поворачивая головы. — Уходи, я не люблю спать с кем-то.

— Я тоже.

— Завтра в Щербаковке, у деда, в три часа дня. Ты обещал.

— Я помню свои обещания. Даже те, что из меня клещами вытащили.

— Ах, бедненький! — иронически протянула она. — Ладно, возьмишь в секретере, там есть налик, отсчитай две с половиной. Добавку привезу завтра. Иди, дверь за собой захлопнешь, я тебе доверяю.

Я вышел из спальни и уже собрался покинуть квартиру, однако задержался в гостиной. Сначала всё никак не мог определить, что за зверь имелся в виду под именем «секретер». Комната выглядела так, словно мечтала попасть на выставку современного дизайна. Всюду — на полу, на стенах — чёрно-белая глазурированная плитка, от которой ломило глаза. Белый диван, весь из прямых углов, такие же кресла, правда, чёрного цвета, камин из белых панелей, похожий на летающую тарелку... Чёрный прямоугольник ТВ... И три одинаковых шкафчика, инкрустированных, как шах-матная доска. Я открыл первый. Там оказались книги: словари,

энциклопедии, альбомы по искусству. И ещё, кстати, с десяток папок, советских ещё времён, с плотным картонным переплётом. В подобной моя маман хранила отксеренное творческое наследие Владимира Высоцкого. Из любопытства я заглянул в одну, однако она была пуста. Посмотрел во вторую — там тоже ничего. В третьей оказалась стопка подшитых документов — явно из давнего прошлого. Замелькали шапки: СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР... ПРИСУТСТВОВАЛИ... СЛУШАЛИ... ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС... Странно, зачем в понтовом дизайнерском шкафчике держать ободранные осколки СССР?

Я закрыл первый шкаф и перешёл ко второму. Он оказался доверху набит видеокассетами и DVD-дисками. Опять же неясно, зачем в штучном, многотысячедолларовом шкафу держать видео «Ночь живых мертвецов» и диск «Мумия возвращается»? Воистину, деньги меняют только наружный слой, а чуть поскреби позолоту — и выглянет наглое и не очень образованное мурло.

Наконец в третьем секретере обнаружили деньги: ровно две с половиной тысячи долларов. Я пересчитал их, сунул в задний карман брюк, и мне вдруг пришло в голову: «Раз в секретере оказалось ТОЧНО две с половиной, значит она всё просчитала с самого начала?.. И то, как будет со мной торговаться в кафе, и как соблазнит меня, и как приведёт сюда, и как отправит прочь из своей спальни за деньгами?.. Ничего себе расчёт! Вот это дальновидность! Снимаю шляпу!..»

В тот же самый вечер Римма отправилась к Василисе — бывшей помощнице по хозяйству гражданки Мишель. Тётянка проживала неподалёку от Коломенского в квартире гражданского мужа, который оказался настолько любезен, что даже зарегистрировал её на своей жилплощади.

— Квартира маленькая, душная, — рассказывала мне следующим утром моя рыжекудрая красотка. — И ещё её заполнял застарелый запах алкоголя...

— Василиса пьёт, что ли? — поинтересовался я.

— Нет, от неё никаким перегаром не пахло. Да и запах другой. Как будто там пиво и вино дешёвое регулярно на стол и на пол разливали.

— А сожителя гражданки ты видела?

— Нет. По-моему, он в комнате храпел. А мы с ней на кухне разговаривали.

Василиса оказалась настолько любезной, что пригласила мою помощницу зайти в дом. И даже проводила на кухню. А уже там простодушно спросила:

— Я чего-то не поняла: кто вы? И с чем пожаловали?

Когда Римка объяснила цель своего визита, женщина тут же заплакала. И через слёзы начала истерить:

— Да сколько же можно! Участковый приходит, допрашивает-ет! Следователь вызывает-е-т! Мука-то кака-а-ая! Подписку невыездную взяли! Да почему ж Мишель на меня-то всё валит? Раз я приезжая, значит виновата во всём? А как я у неё полгода убиралась, у неё конфетки не пропало — это как? А тут случилось что — давай, пожалуйста, выгнала! Ну и ладно! Ну и обойдусь! Меня уже в три дома приглашают! И зарплата больше! Только зачем оговаривать-то меня? Какая ж я ей воровка?! Нашла грабительницу!..

Словом, пришлось Римке выступать в роли матери Терезы: водой гражданку отпаивать, корвалол в мензурку накапывать.

Я поинтересовался, не показалось ли ей, что истерика Василисы — просто игра.

— Нет, — твёрдо ответила Римка, — личность совсем не демонстративная, скорее застревающая. Типичная жертва.

— Как думаешь, она замешана?

— На девяносто девять процентов — нет.

— А мужик её?

Мой простой вопрос поставил девушку в тупик. Она медленно начала оправдываться:

— Н-ну... А при чём здесь он?

— Значит, с ним ты не разговаривала?

— А зачем?

— Василиса приносила ключи от квартиры Мишель домой?

— Зачем ей это надо?

— То есть ты об этом не спрашивала?

Мы оба понимали, что она прокололась, не побеседовав с сожителем гражданки. Именно поэтому моя помощница надула губки и огрызнулась:

— Ну и ездил бы сам по квартирам, раз такой умный!

— Разговорчики в строю! — рявкнул я.

— Ладно, извини. Но раз кричишь на меня, не скажу, что ещё я там, в Коломенском, видела.

Я пожал плечами: мол, не хочешь — как хочешь, не говори, а сам не сомневался: если что-то действительно важное, она покапризничает и расскажет. Ну а ерунда какая-нибудь — пусть себе молчит.

Я не ошибся.

— Знаешь, мне показалось... — снова начала Римка. — Я не уверена, конечно, но неподалёку от дома Василисы я видела машину Желдина.

— Продюсера и любовника Мишель?

— Ну да.

— А как ты поняла, что это его машина? Ты что, номера пробрала?

— Нет. Она так быстро проехала, что я даже не заметила, — смешалась Римка.

— Ага, номер не заметила, — ухмыльнулся я, — а что это машина Желдина, определила?

— Да мало их, таких машин, Паша!

— Каких же?

— Белых «гелендвагенов», — в автомобилях Римка разбиралась очень хорошо.

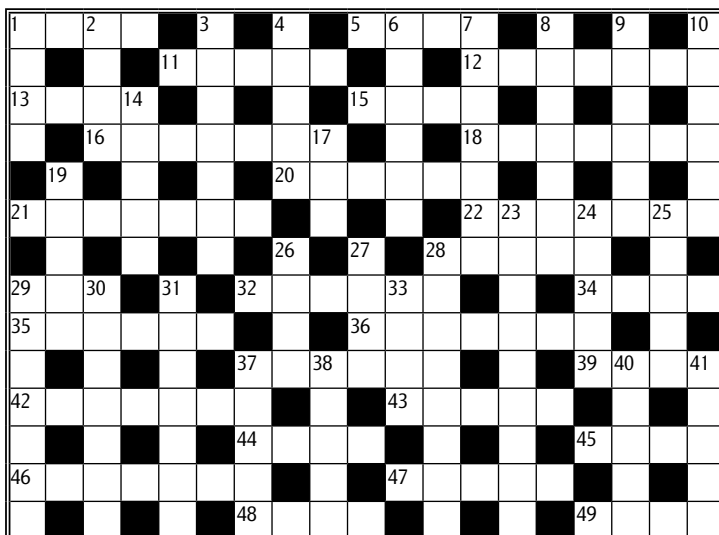
— А ты что, прямо во дворе Василисы видела машину продюсера?

— Нет, на улице. Он мимо проезжал.

Я отмахнулся:

— Даже если это он, мало ли по каким делам продюсер в Коломенском оказался! — я вспомнил, как сам провёл вчерашний вечер, и добавил: — Может, он к тайной возлюбленной наведывался... ▣

Окончание следует

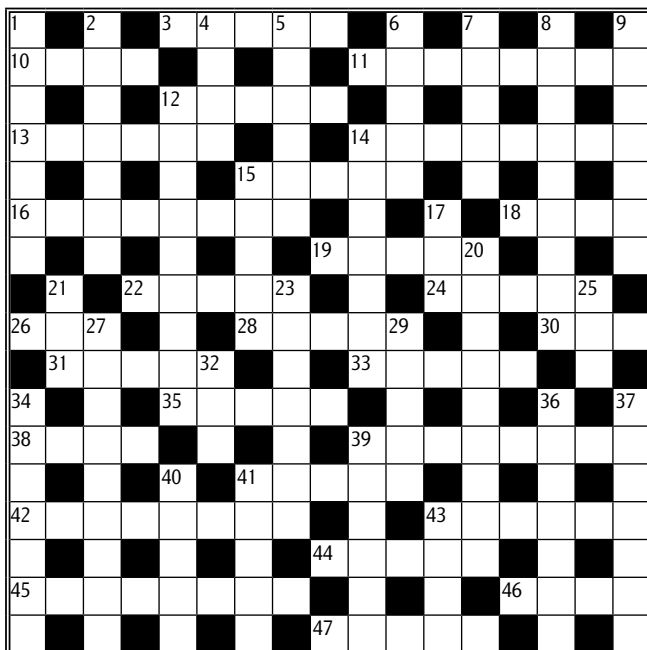
По горизонтали: 1. Причина смерти Тициана. 5. Заведение, где поддают. 11. Взрывной аргумент террористов. 12. Зона отдыха во Франции и Италии, включающая Монако. 13. Причина шрама. 15. Обычное время будильника. 16. Он не смешной на вид, серьёзный сам, но веселит других. 18. Душистая деревенская «спальня». 20. Дипломат, защищающий интересы соотечественников в чужой стране. 21. Пространство за кордоном. 22. Царь, при котором оформилось крепостное право. 28. Лающая стая. 29. Немец, создавший, кроме множества музыкальных произведений, 20 сыновей и дочерей. 32. Инструмент, а вовсе не клык. 34. Аренда квартиры. 35. Совокупность кухонных предметов. 36. Болгарская Одесса. 37. Кровавая «деятельность» экстремистов. 39. Французский писатель, автор романов «Следопыт» и «Пираты прерий». 42. Кормёжка зверя или птицы. 43. Ловушка для адмиралов у В. Набокова. 44. Французский учёный, которого американцы посмертно окрестили «чемпионом самоучек мира». 45. Морской рак. 46. Удар по мозгам. 47. Кормовой винегрет. 48. Скрипка, поменявшая пол и размер. 49. Мелкая американская монета.

По вертикали: 1. Последняя инстанция, куда посылают надоевшего просителя. 2. Список предлагаемых блюд в ресторане. 3. Служилый богатырь при князе Владимире. 4. Следственные действия. 6. Лицедей. 7. Отец княгини, вошедшей в историю знаменитым плачем. 8. Председатель домкома в «Собачьем сердце» М. Булгакова. 9. Услужливая служба. 10. Популярная советская киноактриса. 14. Простушка в луже. 17. Тетеревиная танцплощадка. 19. Сталь, чей утерянный в средние века секрет раскрыл П. Аносов. 23. Архангельский мужик, пришедший в Москву, чтобы дать своё имя университету. 24. Чёлн, на каком приплывают к олимпийскому пьедесталу. 25. Фольклорный спутник Фомы. 26. В нацистской Германии — фюрер, в фашистской Италии — ... 27. Штрих-кот. 28. ... сочинений. 29. Тот, против кого борется Мальчиш-Кибальчиш в повести А. Гайдара. 30. Разновидность печени. 31. Предписание по написанию. 33. Азиатская страна, где у людей деньги в кипах. 37. Ткань, не раз упомянутая в «Домострое». 38. Идеал шабашника. 40. Самая короткая азбука. 41. Программно-управляемый манипулятор.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 1

По горизонтали: 4. Эффект. 7. Забавник. 8. Лондон. 9. Убывание. 10. Ржачка. 14. Ангел. 16. Цветаева. 17. Букет. 19. Носорог. 24. Шилов. 25. Водка. 26. Филе. 28. Похожесть. 29. Райкин. 30. Хаски. 34. Кизил. 35. Иней. 36. Мария. 38. Дифирамб. 39. Мешок. 40. Скваттер. 41. Холод.

По вертикали: 1. Карбункул. 2. Развлечение. 3. Анонс. 4. Эклер. 5. Финка. 6. Киоск. 11. Житков. 12. Чтец. 13. Арак. 15. Овсов. 18. Тол. 20. Солон. 21. Горелки. 22. Якуты. 23. Сфера. 24. Шлейф. 27. Бокал. 28. Пиния. 30. Химичка. 31. Инфанта. 32. Айсберг. 33. Зарево. 34. Кимоно. 37. Лихач.

По горизонтали: **3.** Раковина, по цвету похожая на фарфор, а по форме — на игрушечных поросят. **10.** В неё входит актёр, выходя на сцену. **11.** Занятие в юности неграмотного конкистадора Ф. Писарро. **12.** «В помещищем деревенском доме никакая ... долго держаться не может» (И. Тургенев «Дворянское гнездо»). **13.** Старуха из пушкинской сказки, став столбовой дворянкой, слуг «за ... таскает». **14.** Античный философ. **15.** Колдун на севере Сибири. **16.** Доза двадцати соображений на троих. **18.** Каждый слой фанеры. **19.** Испытание соблазном. **22.** Каждый в племени, разгромившем кентавров. **24.** Рыба, способная, как верят японцы, предугадать землетрясение. **26.** Струя пушечного табачного дыма. **28.** «Искусство разъединять» (Гёте). **30.** Персонаж трагедии Шекспира «Отелло». **31.** Мужская куртка, в XIX веке символ крестьянства. **33.** Клёцка, начинённая мясным или рыбным фаршем. **35.** Мавританский воин в «Неистовом Роланде» Ариосто, излеченный от ран Анжеликой. **38.** Профессор словесности, академик, чьи нормы русского правописания изменили в 1918 году. **39.** «Необходимое условие прекрасного» (Л. Толстой). **41.** Восточный бубен, нагреваемый перед игрой. **42.** Генерал, пытавшийся в 1881 году арестовать царскую семью. **43.** Раб-эфиоп, самый первый муэдзин самой первой мечети. **44.** Верный пастух Одиссея. **45.** Вдова, ставшая женой царя Спарты Клеомена Ш. **46.** Австралийский попугай. **47.** Птица, символ истинного христианина.

По вертикали: 1. Суть бенгальского выражения «черви в голове». 2. Безгорбый южноамериканский верблюд. 4. Французский композитор, автор оперы «Пётр и Екатерина». 5. Французский импрессионист. 6. Друживший с Римом пергамский царь. 7. Изысканная орнаментная заставка в мусульманских книгах. 8. «Священный недуг» в Древнем Риме. 9. Единственный народ Северного Кавказа, варящий пиво. 12. Мамертинская тюрьма в Древнем Риме, где содержали иноземных правителей. 14. Австрийский музыковед, автор труда «О музыкально-прекрасном». 15. У живописца — мазок, у рисовальщика — ... 17. Олицетворение первозданного водного хаоса в египетской мифологии. 20. Историк, за которого вышла замуж Теренция, разведясь с Цицероном. 21. Каждое из трёх кочевых объединений казахов до их вхождения в Россию. 23. Русский художник, создатель школы «Аналитического искусства». 25. Густой туман или мелкий, сеющий дождь. 27. «Служба пониманья» (С. Аверинцев). 29. Магический рисунок в индуизме. 32. Продолговатый зал в христианских храмах. 34. Житель бывшей страны на Балканах. 36. Дух русского суеверия, чей любимый «конь» — сом. 37. «... с гусем» — античная статуэтка в глипготекке Мюнхена. 39. Критерий, какой, по Н. Бердяеву, всегда «бывает в меньшинстве». 40. Своя воля — клад, да ... её стерегут (поговорка). 41. Щёголь, каким, по мнению К. Паустовского, был О. Уайльд. 43. Шотландец, запатентовавший в США первый практически пригодный телефон.

Ответы на эрудит, напечатанный в № 1

По горизонтали: 1. Юность. 7. Дера. 9. Торговля. 10. Батман. 12. Тейп. 13. Честолюбие. 14. Ирис. 16. «Лжец». 19. Хаймвер. 23. Переплёт. 24. Хасид. 27. Эстет. 28. Бурак. 29. Секач. 33. Шифер. 34. Санин. 35. Вергилий. 37. Зевксис. 40. Река. 45. Мозг. 46. Кеалакекуа. 48. Пеле. 49. Гурами. 50. Ласточка. 51. Тьма. 52. Маразм.

По вертикали: 1. Юмбрик. 2. Октоих. 3. Ткач. 4. Достоевский. 5 Уголь. 6. Швабы. 7. Дятел. 8. Гайде. 11. Невма. 15. ... сатир. 17. Жалцан. 18. Цата. 20. Фет. 21. Черес. 22. Раб. 23. Перерепенко. 25. Сумрак. 26. Дания. 30. Качим. Чин. 32. Явор. 33. Шиш. 36. Округ. 38. Соната. 39. Эгоизм. 41. Ересь. 42. Акела. 41. Бакст. 44. Задок. 47. Аура.

А также вы можете подписаться на журнал «Смена» и «Литературно-художественное приложение журнала «Смена» в любом отделении почтовой связи.

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 84630 — подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p> <p>Индекс 70820 — подписка на журнал «Смена»</p> <p>Индекс 33233 — подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p> <p>Льготный индекс 33234 (для постоянных подписчиков) — подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 16746 — подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p> <p>Индекс 99406 — подписка на журнал «Смена»</p> <p>Индекс 11602 — подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p> <p>Льготный индекс 11578 (для подписавшихся в 2010 году) — подписка на комплект журнал «Смена» + «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p>
<p>ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 87805 — подписка на «Литературно-художественное приложение журнала «Смена»</p> <p>Индекс 88998 — подписка на журнал «Смена»</p>

Мономах склонился к умирающей, все ещё не веря,
что она покидает его навеки, прижался губами
к раскалённым устам. Но дыхание Гиты становилось
все слабее, и сознание покидало её. Последняя мысль
была о том, чтобы поскорее, пока не поздно, найти руку
Владимира.

— Супруг мой!

Перед вечерней она испустила последний вздох, и голова
её бессильно упала на плечо. Тогда этот мужественный
человек зарыдал, как ребёнок...

Светлана **Бестужева-Лада** «Принцесса из Альбиона»

Вот и Рейнольдс, почтенный президент Академии,
самый востребованный портретист королевства,
вдруг увлёкся этой немкой, вскружившей голову
всем и вся. А однажды предложил ей стать его супругой
и — совершенно неожиданно для себя получил отказ! Он
страшно оскорблён! Как это так, отказать ему, самому
Рейнольдсу! Да что она себе позволяет, эта девчонка! И он
решил ей отомстить. Просто так ей это не пройдёт!

Ирина **Опимах** «Муза Рима»

Даже у небесного создания — Луны — две стороны:
одна открыта всем взорам, другая доступна
только объективам исследовательских спутников.
Мы тоже днём одни, а ночью другие. Ночью мы честнее
и откровеннее. Днём мы живём по принципу «весь мир
театр, и люди в нем актёры», а ночью отпускаем
зрителей, опускаем занавес и снимаем маски, думая,
что темнота нас прикроет. Не надейтесь! Как бы вы
ни лицедействовали днём, ночь вас выдаст с головой!

Елена **Логунова** «Кекс с изюмом»